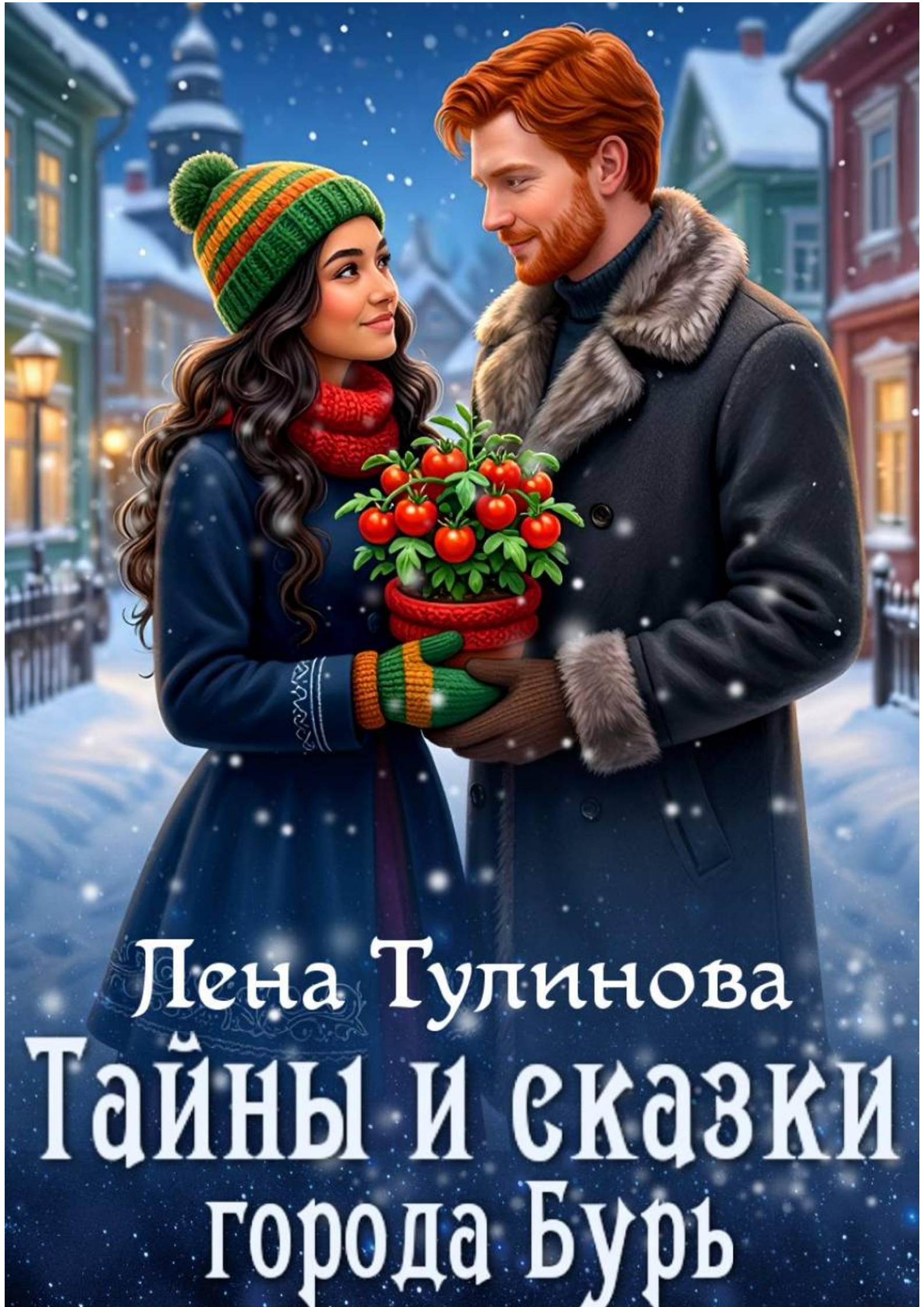

Лена Тулинова
Тайны и сказки
города Бурь

Лена Тулинова

Тайны и сказки города Бурь

«Автор»

2026

Тулинова Л.

Тайны и сказки города Бурь / Л. Тулинова — «Автор», 2026

Чтобы пройти практику, Анхелика Пэм выбирает городок с романтичным названием Штернхаген. Но оказывается, что этого города нет на карте уже двадцать лет, а есть... немного другой. Мрачноватое и холодное место! Да и задание выполнить оказывается сложновато, в этом городе вообще лучше поменьше пользоваться магией! Но зато Анхелика научится здесь постоять за себя, найдет немало интересного и познакомится с удивительными людьми. А потом ей придется выбирать, что больше по сердцу: вернуться в привычный удобный мир и к парню, надеющемуся назвать Анхелику своей... Или остаться в сумрачном ледяном городке с кем-то другим.

© Тулинова Л., 2026

© Автор, 2026

Лена Тулинова

Тайны и сказки города Бурь

ГЛАВА 1. Никто не хочет в Скаркабукс

Анхелика Пэм, будущая выпускница Высшей Школы магического мастерства, ждала, пока её вызовут в кабинет магистры для вручения направления на зимнюю практику. Собственно, практика была годовая, просто традиционно начиналась в зимнее время, с первого числа последнего месяца года. Самое тёмное, самое колдовское время!

Другие адептки топтались рядом. Счастливики (или несчастные), уже получившие свои направления, расходились в стороны с жёлтыми бумажными конвертами в руках. Кто-то уже открыл направление и нашёл там волшебную открытку. Кто-то с задумчивым видом теребил свой конверт, не решаясь его вскрыть. Годовая практика – предпоследнее крупное испытание для адептов. Дальше уже только отчёт, защита диплома и всё, клятва на мётлах, а потом разлетайся кто куда!

– Только бы не в Скаркабукс, только бы не в Скаркабукс, – бормотала рядом с Анхеликой адептка Марианна. – Ох, только бы не туда!

– Почему? – спросила Анхелика.

Про Скаркабукс она раньше ничего не слышала. Но название было неприятное. К примеру, Айрузелла или Флорисия звучали куда как милее. Или – Милад! Как чудесно! Наверняка там очень мягкая зима и красивые виды из окна.

– Это ужасное место – Скаркабукс, – проговорила Марианна, закрывая сильно подведённые синей краской глаза. – Представь: нет электричества и водопровода, только колодцы и керосиновые лампы. Готовят в печках, ездят на санках. А холодище там – просто жуткий. То и дело завывают страшные ветра, снег падает дни и ночи напролёт, и к концу зимы, а она там шесть месяцев, его выпадает столько, что крыши домов не видно.

– А как же люди выходят? – удивилась Анхелика.

– С трудом! Прокапывают в снегу ходы и выползают.

Звучало странно. Возможно, Марианна слегка привирала, а может быть, и не слегка. Но, когда Анхелика вошла в кабинет магистры Присциллии, она уже была готова на всё, лишь бы не ехать в местечко с царапающим названием «Скаркабукс». Ни за что!

Магистра теории и практики Высшего Колдовства, Хадма Присциллия, была женщиной весьма своеобразной. С первого взгляда от неё хотелось убежать, потому что вы видели в ней страшную ведьму, как их рисуют в детских книжках. Крупный пористый нос с волосатой родинкой, уродливый подбородок, мохнатые насупленные брови и седые лохмы. Второй взгляд, повнимательней, подмечал на этом ужасном лице чуть ироничную улыбку, ровные белые зубы с чуть выдающимися клычками и добрые карие глаза. А третий взгляд, магический, являл моложавую женщину лет шестидесяти, которая нарочно нацепила на себя эту жуткую иллюзию, чтобы посмотреть, какое впечатление она производит. Стоило лишь чуточку рассредоточить взгляд – и иллюзия плыла. И вы видели добродушную даму, такую же славную, как ваша любимая бабушка.

Но если вы испугаетесь лика колдуньи – то так и будете видеть только его. Поэтому поступающим в высшую школу магического мастерства девушкам их мамы всегда говорили, что первое впечатление обычно обманчивое. Правда, они порой добавляли, что на второе впечатление может уже не остаться времени – но это, как правило, не те условия, которые бывают при беседах с ректорами и магистрами.

– Пэм, – сказала Присциллия, – ты у нас на хорошем счету. Я даю тебе право выбрать из оставшихся мест для распределения то, которое тебе нравится.

И показала несколько открыток, разложенных на её столе. Анхелика взглянула, но от волнения не могла разобрать, что там напечатано и написано. Видела только, что на открытках красивые домики да какие-то вычурные названия. Только бы не Скаркабукс!

– Мне подойдет все, что вы мне назначите, магистра, – дрогнувшим голосом сказала Анхелика.

– Учти, это зимняя практика, в некоторых городах очень холодно, так что выбери тот, где потеплее. Ты же хорошо знаешь географию?

Вообще-то у Анхелики были неплохие отметки по географии, но это вовсе не означало, что колдунья её знала. В её голове постоянно всё путалось, особенно если названия были похожи.

– Всё, что угодно, кроме Скаркабукса, – выпалила она.

– Даже так? – удивилась магистр. – И чем тебе не угодил бедный Скаркабукс?

– Туда я точно не хочу, а насчет остального просто не знаю, – ответила Анхелика.

– Ну хорошо, – ответила Присциллия. – Уберу Скаркабукс.

И отодвинула одну из открыток. Осталось штук пять или шесть – и Анхелика накрыла рукой ближайшую. Затем отодвинула ладошку и прочитала название: «Штернхаген». Это звучало как приключение! И картинка под стать: горы, убеленные снегом, тёмные зазубренные силуэты елей, очаровательные домики под звездным небом... Анхелика протянула руку к открытке.

– Ты уверена, милая? – спросила Присциллия. – Это не очень известный городок, и там довольно хо...

– Главное, что это не Скаркабукс, – сказала Анхелика.

– Что ж тебя так на этом Скаркабуксе-то переклинило, – проворчала магистр совсем тихо, так, что студентка едва расслышала.

Штернхаген! Как прекрасно это звучало! Анхелика чуть дрожащей рукой сунула открытку в желтый конверт.

– Ну что ж! Если ты уверена в выборе и не хочешь взять другую карточку, то иди к эконому, покажешь ему место назначения – и он сам выберет тебе снаряжение, все до мелочей, – сказала Присциллия и почему-то тяжело вздохнула, поджав тонкие губы.

Но Анхелика была так взволнована, что не обратила на это внимания.

ГЛАВА 2. Не пара

Выйдя из кабинета магистры, Анхелика ещё пару секунд приходила в себя. Подвинув её плечом, в кабинет вошла другая адептка, а Марианна, очередь которой ещё не настала, пожалала Анхелике руку.

– Поздравляю с назначением! Куда тебя, Пэм? Надеюсь, не в этот ужасный Скаркабукс?

– Не в этот, – сказала девушка.

Почему-то ей не очень хотелось раскрывать перед однокурсницей все карты. Марианна была не самой приятной особой и не слишком дружила с Анхеликой. Да и потом, девушке всё время казалось, что заветный конверт могут отнять или украсть, и тогда в чудесный Штернхаген отправится другая адептка.

– Ну, тогда точно поздравляю, – Марианна похлопала Анхелику по плечу и отвернулась.

Анхелика не сказала о том, куда её определили, и своим близким подружкам, даже соседке по комнате Стелле Льюи. Почему-то хотелось сохранить это в тайне. Впрочем, и Стелла не сказала, куда отправится. И только придя к Себастиану, показала ему конверт.

Эконом был тайно влюблён в Анхелику ещё с её второго курса. Девушка заметила это, когда все адептки ее группы получали выделанную телячью кожу для будущих волшебных торб, а ей достался какой-то особенный лоскут.

– Это кожа белого оленя, – сказал Себастиан таинственно. – Она немного волшебная, да и я немного поколдовал, так что шьётся кожа легко, а износу ей сто лет не будет.

И вместе с лоскутом погладил руку Анхелики.

Кожа была великолепная, торбочка удалась отличная, но с тех пор экононом старался делать девушке разные подарки. Звал и на свидания, но Анхелика как-то не так представляла себе настоящую любовь. Первая влюблённость с нею случилась ещё в шестнадцать лет, за два года до поступления в Высшую школу магического мастерства, а вторая, очень краткая, в лето между выпуском и поступлением, далась так тяжело, что девушка до сих пор боялась вступать в отношения. Но это не было основной причиной отказа Анхелики Себастиану, как и его внешность сама по себе ничего не решала. Пусть он был неказист, но видно же – добрый человек!

Нет, просто не возникало той самой искры, на которую Анхелика втайне рассчитывала. Вот в тот, предыдущий раз, который плохо закончился, искра была, точно была. И молодая колдунья в очередной раз спросила у себя, а не хочет ли она всё-таки немножко прогуляться с экономом. Нет, ей этого не хотелось.

– Пстой-ка, – сказал Себастиан, глянув одним глазом на открытку из конверта. – Ты в самом деле согласилась отправиться в Штормхаген?

– Штернхаген, – поправила Анхелика.

– А я как сказал? – спросил экононом.

И, не слушая ответ, склонился над поставленным на стол чемоданом. Анхелика смотрела, как зачарованная: Себастиан словно преобразился, из неуклюжего рыхловатого молодого человека превратился в сосредоточенного работой мага. Движения точные, взгляд черных глаз – острый и внимательный. Несколько магических пассов над большим коричневым чемоданом, и тот заполнился аккуратно сложенными вещами.

– Ты уверен? – спросила Анхелика, стопки теплых брюк, шерстяных свитеров и фланелевых рубашек в клетку.

– Ах да, ещё надо зимнее пальто и меховые сапоги, – Себастиан постучал ладонью по столу. – И ещё шапку, шарф и перчатки.

– Это не Штормхаген, а Штернхаген, Себастиан, ты же не путаешь?

– Одно и то же. Я там положил тебе кое-что от себя, на самое дно, в левый угол. Как будет совсем тяжело – разверни, – экононом улыбнулся. – Анхелика... Слушай. Если ты завтра уезжаешь... Может быть, сегодня вечером сходим в кафе? Конечно, если ты не возражаешь и у тебя есть время, и...

Было просто не по себе, не хотелось оставлять его таким грустным, и Анхелика согласилась. Себастиан так старался, укладывая чемодан! Хотя девушка была уверена, что ей и половина тёплых вещей не понадобится.

– Ах да, ещё рукавицы, если перчаток будет недостаточно, и запасная пара шерстяных носков, – всплеснул руками экононом. – И для твоего компаньона – стеклянный магический колпак с подогревом.

– По-моему, ты всё путаешь, не может быть в таком милом городке настолько холодно, – сказала Анхелика. – У нас материк и близко к северу не подходит, до снежных земель ехать и ехать, неделю на поезде, не меньше.

– Анхелика, а где, по-твоему, находится Штернхаген? – спросил Себастиан мягко. – Это ведь северный край Ламминланда, и там совсем не тепло. Тебе придется пересечь на парохде Гусиный перешеек и оказаться на архипелаге Зелёные острова, там влажная и холодная погода. У них, Анхелика, понимаешь, лето как наша зима. А зима, как...

– Я тебе поверю, – вздохнула девушка, прикидывая, что половину свитеров и шерстяных подштанников запросто сможет оставить в своей комнате, а отказывать старому другу как-то непорядочно.

Ну что поделывать, если он в географии совсем плох, даже хуже, чем Анхелика? Штернхаген не может быть холодным. Вот же архипелаг называется – Зелёные острова, естественно, что там полно цветов и зелени, иначе с чего бы его так называли?

Чемодан получился тяжелым, выданные на разнообразные нужды деньги тянули карман, и пришлось воспользоваться волшебной торбой, чтобы избавиться от лишнего груза, а заодно обезопасить солидную сумму от случайной потери или кражи. В магической торбе предметы становились крошечными и легкими, а что до воришек, то мало кто осмеливался залезть в волшебную сумку колдуньи без её ведома. Многие колдуньи позднее могли заговорить свою торбу даже на откусывание пальцев! Анхелика такой не была, да и вообще школа придерживалась более гуманных методов. Но торбу свою заговорила в том числе и от краж. Сейчас она с трудом приподняла чемодан над раскрытой сумкой, и он сам уменьшился в её руках. И, став размером едва ли больше кошелька, опустился на дно торбы.

Перед свиданием с Себастианом Анхелика забежала в общежитие, умылась, оделась в синее платье с кремовыми кружевами – которое, по мнению всех подружек, выглядело «миленько, но тебе не идет, дай поносить». Наскоро расчесала влажные у висков волосы, которые вились мелкими задорными пружинками. Чуть подвела глаза золотистой краской, чтобы светло-карий цвет сделался почти медовым. Брови и ресницы у Анхелики и так были хороши, а вот пухловатые губы требовали немного помады, потому что по сравнению со смуглой кожей казались бледноватыми. Эх, а вот у северянок, говорят, кожа фарфоровая, светлая-светлая, с лёгким розовым румянцем. Интересно, а на севере все такие же белокожие блондинки, как ее соседка по комнате Виоланта?

Едва Анхелика вспомнила про подружку, как та появилась в комнате. Стоявший все это время на окне куст помидора, увешенный маленькими желтыми плодами, проснулся от звука шагов и зашелестел листьями.

– Во, соседка наша пожаловала, – сказал он благожелательно.

– Привет, Помус! – поздоровалась подруга. – Анхелика, ты куда-то собираешься?

– Устроила себе прощальный вечер в кафе, – сказала Анхелика чуть виновато.

– Не смогла отказать в свидании Себу, – перевела Виоланта. – Понятно!

– Ну зачем так, – вздохнула девушка.

– Ты безвольная, никому отказать не можешь. Вот увидишь, после свидания он захочет тебя поцеловать, а ты из вежливости не сумеешь сказать «нет». А после поцелуя всё завертится.

– Не завертится, я же уезжаю на практику, это целый год, – отмахнулась Анхелика.

– Думаешь, за год рассосется, да?

– У меня будет время на размышления.

– Может, он на самом деле тебе подходит, а ты этого не понимаешь? – спросила Виоланта, хмуря светлые тонкие бровки.

– Нет, мы не пара, – покачала головой Анхелика. – Во-первых, он старше на целых пять лет. Это много!

– Двадцать восемь? Да ты что! Прекрасный возраст, – улыбнулась Виоланта.

– Во-вторых, у него довольно скучная работа, хоть и прибыльная. Целыми днями проверяет, где чего не хватает, выписывает новый инвентарь, списывает старый, снабжает адептов и учителей тем и этим... С ума сойти можно.

– Зато знает, что такое порядок в вещах и деньгах, – подытожил помидорный куст. – Анхелика, если у него стебель не вялый, то, может, он тебе и подойдет. Но вот в стебле я сомневаюсь, так что будешь с ним целоваться – проверь. Вялый нам не нужен, сыщем получше!

– Фууу, Помус, – сказала Виоланта, краснея.

– Если я сразу не полюбила – то ничего не получится, – сказала смущенная Анхелика.

– Но на свидание пойдешь? – спросила Виоланта, посмеиваясь.

Анхелика неловко улыбнулась:

– Неудобно было отказывать.

И охнула, взглянув на часы.

– Я вот-вот опоздаю. Нехорошо заставлять себя ждать!

– Постой, – крикнула Виоланта, когда Анхелика уже натягивала теплые ботинки. – У тебя случайно нет немножко денег взаймы? Меня направили в Линделу! Там так много соблазнов: балы, приемы, концерты, театры... А мне выдали так мало денег!

Анхелика подумала, что и ей была начислена точно такая же сумма, но решила: мама всё равно прислала ей несколько сотен сверх обычного, вот только-только вчера. Да и сбережения кое-какие есть... Поэтому выудила из сумки две купюры по десять шелестов и протянула подруге.

– Транжира, – тут же прокомментировал это Помус.

– Для друзей ничего не жалко, – сказала Анхелика.

Но куст уже оседлал любимую лошадку:

– Просто ты безотказная, не можешь сказать «нет»!

– Она самая лучшая! – возразила Виоланта, пряча деньги. – А ты-то куда едешь на практику?

– Куда-то, – уклончиво ответила Анхелика, по-прежнему не желая делиться своей тайной.

Она накинула лёгкий плащик, надела шляпу – вечером в Косебю дуют прохладные ветра. Подумала, и для красоты нацепила ещё воздушный шарфик. Всё-таки зима, не шуточки!

Себастиан уже ждал у крыльца общежития. Вид у него был невероятно унылый.

ГЛАВА 3. Съешь помидорку

Погода была просто чудесной, особенно для начала зимы! В Косебю это время обычно отдано на откуп холодным дождям, но вечер выдался погожий, ясный. Свежий-пресвежий воздух, лёгкий запах грядущих заморозков, крупные звёзды на небе... даже ветра, вопреки ожиданиям, не было.

В кафе Анхелика и Себастиан устроились у окошка. И теперь любовались игрой огней, прогулочными колясками, нарядными людьми, гуляющими по улицам. Красивый городок был Косебю, уютный, по-домашнему тёплый.

– Жаль, что ты уезжаешь, – вздохнув, сказал Себастиан, глядя в окно кафе. – Да ещё в такое неуютное место. Надеюсь, я правильно уложил твой чемодан.

– Не беспокойся, всё будет хорошо, – вздохнула Анхелика.

– Ты ведь не будешь писать, – сказал эконо. – И вспоминать меня особо не будешь...

– Так вот зачем столько тёплых вещей? – засмеялась Анхелика. – Это всё для того, чтобы я чувствовала, как тепло ты ко мне относишься?

Было бы здорово, если б Себ тоже рассмеялся в ответ. Смеяться вместе – это так здорово! Но парень посмотрел серьёзно, он, видимо, не понял шутки.

– Тебе стоило выбрать что-то поужнее, хотя бы Линделу или Скаркабукс, – сказал он.

– Скаркабукс? Это где целыми месяцами не сходит снег и всё время дуют ледяные ветра? – уточнила Анхелика.

– Да ты что! Это же маленькое милое село недалеко от курортного города Скарблю, – удивился Себастиан. – Даже названия ведь похожи, ну?

Анхелика поперхнулась ужином – великолепной жареной рыбкой с хрустящей корочкой.

– Скарблю, – пробормотала она. – Теперь и я скорблю, что такая дура. Марианна попросту обвела меня вокруг пальца.

– Может быть, еще возможно что-то поменять? Магистра Присциллия может пойти навстречу, ты такая прилежная и послушная адептка, – сказал Себ с нежностью и заботой в голосе.

Анхелика покачала головой.

– Мне неловко просить, да и, пожалуй, поздно что-то менять. Поеду уж в Штернхаген. Спасибо... Спасибо, что позаботился о багаже, Себ.

Они доедали в неловком молчании. Анхелику смущало, что Себастиан смотрит на неё почти не отрываясь, будто хочет запомнить каждую, даже самую крошечную, черточку. Каждый взгляд, брошенный на него искоса, каждое движение лишь усиливали эту неловкость.

У общежития Себастиан спросил нерешительно:

– Можно... можно я тебя поцелую? Только один поцелуй... Пожалуйста!

Анхелика почти сказала нет. Честно! Ей не хотелось обнадеживать парня. Хотя он и сказал, что ничего не ждёт... Хотя и понимал, что влюблён безответно. Не хотелось ей с ним целоваться. Но Себ взял её за руку, и стало совсем неудобно отказывать. И Анхелика покорно подставила губы под поцелуй. Про себя решила: если понравится... Если понравится, то по возвращении она даст ему шанс.

Он целовался суетливо, жадно, взхлёб, но так старался не давать воли рукам, так не знал, куда девать их, что Анхелике не понравилось. Она считала, что знает толк в поцелуях – целовалась она много и часто, ещё со школы. Только в последнюю её влюблённость поцелуев было мало. Тот человек, имя которого девушка старалась позабыть, почему-то избегал касаться губами губ.

Себастиан же проявил страсть, неумение и стеснение одновременно, и молодой колдунье это не понравилось. Она быстро отошла на шаг назад и спрятала лицо в ладонях. А молодой эконоом остановил девушку, явно боясь, что она убежит:

– Анхелика, я...

Свободной рукой парень похлопал себя по карманам, изменился в лице, будто что-то потерял, затем просветлел, словно что-то нашёл – и, наконец, вытащил из бокового кармана легкой куртки бархатную коробочку, уместиться в которую могло лишь одно: помолвочное колечко.

– Себастиан, не стоит слишком торопить события, – быстро сказала девушка, но коробочка уже распахнулась.

И внутри было именно кольцо! Изящное, золотое, с голубым топазом-капелькой. От колечка тепло веяло магией. Разумеется, не дарить же колдунье простое украшение? Но колдунья не спешила диагностировать, какой сюрприз приготовил Себастиан.

– Я тебя люблю, Анхелика Пэм, – неуклюже топчась на месте, пробубнил парень. – Выходи за меня, если, конечно, ты хочешь! Можно не сейчас, можно после практики, когда...

– Можно, я дам ответ после практики? – уцепилась за последние его слова девушка. – Извини, я совсем не готова, мы ведь даже... Не было у нас ничего, и я так не могу. Пожалуйста!

У неё дрожали руки и ноги, хотелось убежать побыстрее отсюда. Было стыдно и неловко. Но любви – самое главное! – любви к парню Анхелика так и не чувствовала. Скорее ей было его жаль.

– Хорошо, – поникнув головой и плечами, Себастиан убрал кольцо обратно в карман. – Я буду ждать.

– Пока, Себ, – сказала колдунья как можно небрежнее.

– Я ведь не обидел тебя? – спросил парень.

– Нет, Себастиан, не обидел. Я просто... Просто не готова!

– Я понимаю, – сказал эконоом.

И, ссутулившись, развернулся, чтобы уйти. Анхелике стало совсем уж стыдно. И она жалела парня, честно жалела, только не до такой степени, чтобы выйти за него или даже просто окликнуть. Возможно, Себастиан и ждал этого, но напрасно. Девушка развернулась на каблучках и бегом поднялась на свой этаж в общежитии.

В комнате было пусто, и лишь Помус пел сам себе похабные куплеты. Они у него никогда не кончались. Анхелика, которая обычно краснела и хихикала при упоминании стеблей, корешков и бутонов, теперь просто вздохнула и попросила компаньона помолчать.

– Что, свидание не удалось? Прекрасный принц не поцеловал тебя на прощание? – ехидно спросил Помус и пропел еще пару строк:

Я как-то полюбил
Верблюжию колючку.
Была эта колючка
Ужаснейшая злючка.

– Как раз наоборот, поцеловал, – проворчала Анхелика. – Ладно, Помус. Давай спать, а? Завтра рано вставать – как проснёмся, сразу же отправляемся на практику.

– Перенесёмся сразу, подумаешь, можно даже не просыпаясь, – сказал куст. – Зачем рано вставать-то?

– Хотела на поезде поехать, – сказала Анхелика. – Чтоб не спеша, глядя в окошечко...

– Куда хоть едем-то? – спросил Помус.

Анхелика только вздохнула.

– Не хочу говорить. Сюрприз будет.

– А у меня от твоих сюрпризов листья не отвалятся? Может, ну их, сюрпризы эти, окошки в поездах – ты же знаешь, я создание нежное, хрупкое. Если в горы ехать, то дорога небось будет ой какая тряская...

– Посмотрим завтра на карте, хорошо?

Отчего-то вдруг захотелось отправиться прямо сейчас. Открытка от магистры была волшебная. Хочешь сразу оказаться на месте – можно перенестись, стоит лишь вынуть её из конверта и провести пальцем по названию города. Сработает как телепортация, будь уверен – только чемодан не забудь!

Но если хочешь поехать на поезде или, скажем, механобусе, на пароходе или на дирижабле – только предъяви открытку вместо билета, и поедешь первым классом! И никогда не бывает так, что нет свободного места... Так почему бы поскорей не пуститься в путь вместо того, чтобы ворочаться целую ночь? Перенестись в Штрэнхаген в одно мгновение ока или отправиться на воздушный причал...

– Ты не хочешь спать, да? – спросил Помус. – Тебе уже сейчас хочется в приключение.

Анхелика покивала.

– Съешь помидорку, – предложил куст.

И на его ветке разом созрел небольшой, ярко-красный, упруго-спелый плод. Помус это здорово умел: утешать помидорками. Они у него, кстати, были вкусные и разноцветные: жёлтые, рыжие, красные, полосатые или тёмные...

Я как-то полюбил крапиву у забора,
Влюбился в неё сразу, прям влип по помидоры,
– пропел Помус.

Анхелика не стала есть помидорку, а достала из кармашка сумки конверт.

– Давай-давай, – подбодрил её помидорный куст. – Показывай, куда едем? К морю, да? Морской воздух очень полезен для моих плодов! И я смогу размножиться там, где нет морозов, пусть зима и не самый лучший сезон для этого! Высади меня на зиму в открытый грунт, рядом со свеженькими милашками только из теплицы... и поглядим, чего я стою!

Анхелика с улыбкой достала открытку.

– Думаю, насчёт открытого грунта ты погорячился, но место наверняка самое лучшее, – сказала она, хотя после беседы с Себастианом уже не была в этом так уверена.

Помус пошарил листочками по глянцевой поверхности открытки.

Сказать по-честному, Анхелика не очень-то понимала, чем куст видит и слышит. Она сотворила его на практике, когда другие колдуньи делали компаньонов из котят, щенков и кроликов. Каждой досталась «духовная субстанция», сделанная на занятиях по созиданию нематериального – почти привидение, но маговторное, а не мистическим образом зародившееся на месте гибели живого существа. Создание компаньона было курсовой за прошлый год, и каждая колдунья перед этим нашла себе какое-то животное по душе. Кто-то сову, кто-то ящерицу, но проще всего было взять именно котенка, щенка, крысу, кролика...

Анхелика выбрала попугая с ярким жёлтым гребнем и розовыми пятнышками на щеках. Но тот не желал сидеть спокойно, и при переносе «духовной субстанции» улетел на подоконник, где преподавательница выращивала рассаду. Один из помидорных кустов принял на себя всё, что было в руках Анхелики, а попугай остался сидеть на подоконнике с разинутым от удивления клювом.

Теперь приходилось носиться с помидорным кустом в горшке, когда на занятиях требовалась помощь компаньона. По счастью, Помус не доставлял больших хлопот, пил воду, раз в неделю требовал разведённых водой пивных дрожжей, кокетничал с комнатными растениями, если его поставить с ними рядом на окне и отчаянно боялся сквозняков.

Но факт: куст видел, слышал и говорил ничуть не хуже других, более традиционных компаньонов. И Анхелика его очень ценила: благодаря растительному происхождению Помус отлично разбирался в ботанике, а для зельеварения это ценно.

Сейчас Помус, прочитав название пункта назначения, громко возмутился:

– Штернхаген! Зелёные острова! Оставь-ка ты меня Себастиану. Ради тебя он за мною тут присмотрит, а ты поезжай одна, хоть на поезде, хоть на роликах, лишь бы без меня! Я в жару-то сквозняков боюсь, а там холодина. У меня всё завянет, как я потом фиалкам да маргариткам покажусь? Ужасно, просто ужасно! Кто ж тебя так не любит, магистра Присциллия, что ли?!

– Да что ж такое-то? – возмутилась Анхелика, зажгла верхний свет и достала из сумки карту. – Вот, смотри – и море тебе, и лес...

Она нашла на карте Зелёные острова почти сразу, и они вовсе не были белыми или голубыми – они были коричнево-зелёные, даже больше зелёные, и местечко Штернхаген нашлось, украшенное картинкой с островерхой крышей. Но помидорный куст остался недоволен:

– На широты посмотри, дубиница! Это север, холодно там, понимаешь?

– Возле моря не бывает холодно, – горячо заявила Анхелика.

– Конечно, особенно возле этого, которое Нортмар? Ну да, ну да, там же жара, – ядовито хмыкнул Помус. – Покажешь, чего там тебе Себастиан в чемодан запаковал? Панамку, купальник, крем от загара, шлёпанцы, да?

Анхелика не на шутку рассердилась и сказала:

– Сейчас увидишь!

Торбу со всем необходимым (и уменьшенным чемоданом от Себастиана в том числе) колдунья перекинула через плечо. Левой рукой схватила глиняный горшок с Помусом. А большим пальцем правой руки мазнула по буквам на открытке. «Штернхаген» засветился зеленоватым светом, и Анхелика еле успела схватить листочек, чтобы не потерять. Открытка практикантки – важный документ, ещё не хватало его где-то забыть или обронить...

Вот так из тёплой комнатки в общежитии Высшей школы магического мастерства, из уютного тёплого Косебю, где температура даже самой холодной зимой не опускается ниже плюс пяти по шкале Уррсия, Анхелика Пэм оказалась по пояс в рыхлом сугробе. Кругом было темно, очень холодно и очень снежно, и, главное, никаких городских огней или хотя бы дороги... Только лепил отовсюду мокрый снег.

– Помус, где мы?

– Съешь помидорку, тогда скажууу, – злобно-кокетливо сказал помидорный куст. – И это будет последнее, что я скажу, а ты съешь, потому что мы замёрзнем тут насмерть!

И его полный горечи смех превратился в рыдание.

ГЛАВА 4. Инспектор Марш

– Сейчас, подожди, – пробормотала Анхелика, дрожа от холода.

На ней была пижама и войлочные тапочки, надетые на тонкие носки. Этого было явно недостаточно, чтобы противостоять морозу и ветру. Особенно Анхелику тревожил снегопад: крупные липкие хлопья снега, которые ложились на нее, облепляли и тут же таяли.

– Сейчас-сейчас, – бормотала девушка, раскрывая сумку.

– Прыгай туда быстрее, и меня не забудь, – велел Помус.

– Подожди, давай выясним, может, мы уже на месте и жилье совсем рядом, – заупрямилась Анхелика.

– Ты не вовремя норов проявляешь, – закричал куст. – Мне холодно, холодно, **ХОЛОДНО!**

Анхелика уже вытащила из сумки чемодан, накинула на себя теплое пальто и теперь негнушима от холода руками извлекла заколдованный Себастианом купол, который нахлобучила на куст. Купол покрыл Помуса вместе с горшком и почти сразу запотел изнутри.

– Тебе там не душно? – спросила девушка дрожащим голосом.

– Ах, не всё ли равно, в каких условиях погибать? Мне ещё не исполнилось и года, а я уже умираю... Прости, я не чувствую ни листочков, ни корней, ни даже пасынков, которые ты так и не обрезала... Прощай, Анхелика, я рад, что ты была моим компаньоном.

Анхелика поддалась влиянию момента и всхлипнула. Пальто не особо её согрело, к тому же тонкие пижамные штаны липли к телу, а в тапочки набился снег.

– Прощай, Помус, – сказала она, но почему-то не легла умирать, а решила для начала выбраться из сугробов и осмотреться.

Вдруг получится найти местечко поудобнее?

Рядом Анхелика разглядела поваленный ствол дерева, куда и вытащила из сугроба сначала себя, потом горшок, накрытый куполом, и уже затем, за ремешок, торбу с заветным багажом. Балансируя, прошла по стволу до самых корней и, о чудо, обнаружила тропу. Снега там было всего по щиколотку.

Девушка еле переставляла ноги, но её подбадривал Помус:

– Это хорошо, что ты решила меня спасти. Я же знаю, ты безотказная, так что, раз у нас есть хоть один шанс, чтобы я выжил – используй его. Ты должна меня отсюда вытащить!

С какой-нибудь другой адепткой этот номер бы не прошёл, но Анхелика и впрямь была «безотказная» и тащила Помуса изо всех сил – даже немного согрелась, когда шла. Снег валил всё сильнее, но ветра не было; тапочки едва не терялись в снежной каше, в темноте виднелись лишь силуэты деревьев. От снегопада казалось, что они двигаются, и Анхелика часто вздрагивала, замечая это движение. Но каков же был её восторг, когда лес вдруг стал светлее и реже, деревья расступились, тропа превратилась в дорогу... А на горизонте показались огни.

– Посёлок или даже город, – сказала девушка, подогревая себя простейшими заклинаниями тепла. – Помус... Кажется, мы спасёмся.

– Тогда я точно спою, – заявил помидорный куст. – Подпевай, что ли! Мой стебель мощный, прям и твёрд, я этим стеблем очень горд...

– У меня нет стебля, – вздохнула Анхелика, стуча зубами. – Подожди, дай отдышаться, я что-то... Почему-то чары плохо у меня работают... холодно.

У неё потемнело в глазах. Огни вдалеке мигнули и померкли. Откуда-то слышался тихий шёпот. Не разобрать было, кто и что шептал, тем более, помидорный куст не унимался и верещал изо всех сил:

– Анхелика, не падай! Не умирай! Ты должна меня вытащить, ты обещала...

Она ничего не обещала, да и умирать не хотела, просто ноги сделались как будто ватными. Отчаянно захотелось спать.

– П-погоди, у меня вроде было одно зелье... чтобы взб-бодриться, – прошептала молодая колдунья. – Это у меня, наверное, кончились ресурсы, надо п-подновить...

И она села прямо на дорогу, пытаясь расстегнуть сумку. Почему она сразу не приняла зелье, когда доставала пальто для себя и колпак для Помуса? Слабость всё нарастала – непонятно, почему так быстро и резко. Анхелике показалось, что в этом есть какие-то злые чары, но распознать их у неё уже не было сил. Уронив сумку, она сдалась в плен зиме, метели и сну.

– Анхелика! Проснись! – верещал Помус, но голос его был всё тише.

Затем метель подняла девушку на руку и понесла куда-то, и как сквозь плотный войлок слышался голос помидорного куста, который скороговоркой нёс что-то непонятное. Может, опять пел какую-то похабщину, чтобы было не так страшно умирать?

Анхелика протянула руку – медленно, очень медленно – чтобы нащупать Помуса. Попрошаться с ним, раз уж больше не с кем. Тут, на пустынной дороге, было не так уж страшно умирать, только очень жаль себя и несбывшиеся мечты: оказаться в небывалом месте, в волшебном городе мечты, отбыть практику, получить диплом колдуньи с отличием и найти себе хорошее место. Может быть, именно в том самом волшебном городе, Штернхагене. До него осталось дойти совсем чуть-чуть, но не судьба... Зря она не попыталась вернуться при помощи открытки, а теперь поздно. Поздно!

– Помогитееее! – тоненький голосок помидора прорвал тишину.

И вдруг откуда-то сверху раздался мужской голос:

– Ну что тут у вас? Зачем кричите? И где вы вообще?

– Ох, листики-стебелёчки, – задрезбезжал приглушенный куполом тенорок Помуса. – Сюда, сюда, я тут в горшке, и я умираю! Помогите!

– В горшке? – удивился мужской голос.

– Вы не туда смотрите, это практикантка, она сейчас очнётся, – нетерпеливо заговорил Помус. – А тут я замерзаю насмерть!

– То есть твоя практикантка тебя не волнует? – Анхелика поняла, что голос теперь стал ближе. – Ого, да она совсем без сил, знаешь ли. А ну-ка поднимайся, девочка, не тащить же тебя на себе?

А почему, собственно, нет? Анхелика была ничуть не против.

– Я очень... хочу спать, – еле-еле прошептала она.

– Гиблое место сосет из тебя силы, так что, если ты найдешь в себе немножко воли, чтобы подняться – будет легче, знаешь ли. Вставай... практикантка.

И чья-то рука подхватила под локоть.

– Не бойся, вставай.

Анхелика не могла встать – у неё всё тело, кажется, походило на варёную капусту, а это не очень способствует бодрому подъёму и ходьбе. Но рука оказалась сильнее, чем неспособность встать, и, едва девушка оказалась на своих двоих, как ей и впрямь сделалось чуть полегче.

Вторая рука обхватила адептку за талию и подтолкнула, и вот так, загребая тапочками снежное месиво, Анхелика сделала несколько шагов.

– Эй, а я? – завопил Помус.

– Тебе очень нужен твой растительный нахлебник? – спросил мужчина – тёмный силуэт на фоне снежной ночи.

– Д-да, пожалуйста. Мне... Он мне дорог.

– Вот этот куст, который о тебе даже не заботится?

– Я нужен ей, когда надо говорить «нет», потому что она всегда говорит «да», бесхребетная дурища, – грубо заявил Помус.

– Так пусть скажет «да, мы его бросаем».

– Нет, прошу... вас... П-помус мой комп-паньон, – дрожа, ответила Анхелика.

И её без промедления оставили на дороге одну – поддержка крепкой руки исчезла, снег усилился, всё сразу стало плохо. Но девушка уже не так хотела спать и начала потихоньку соображать, что случилось. Гиблое место, так сказал мужчина, который вышел из метели. А ему от этого места, похоже, ничуть не хуже. Может, он сам сотворил эту ловушку. И теперь ведёт её, Анхелику, в свою мрачную берлогу, где...

Молодая колдунья не успела додумать эту ужасную мысль. Её спаситель вернулся, сунул ей в руки горшок с Помусом и сказал:

– Город там. А я пошёл.

– А... вы куда? Вы кто? – встревожилась Анхелика.

Она ещё не знала, что лучше – продолжить путь в компании непонятного мужчины или же остаться снова одной на этой мёрзлой дороге.

– Я инспектор Марш. Сдерживаю магические колебания, превышающие предельно допустимый коэффициент, подновляю охранные чары, слежу за порядком... В общем, инспектор, знаешь ли. А ты колдунья-практикантка. Увижу, что нарушаешь – дам по ушам. А пока что иди.

– Можно, я с вами? Я могу б-быть полезной.

– Ты даже на практику прибыть как следует не смогла, – инспектор Марш вдруг щёлкнул пальцами, и зажегся свет.

Такой стабильный, ровный, ничуть не сдуваемый ветром. Анхелика наконец сумела увидеть лицо своего спасителя – он выглядел отнюдь не юным, но точно не старым, и довольно красивым. Резкие, чёткие черты, подчёркнутые рыжеватым светом.

– Покажи открытку. Может, тебя вообще не туда занесло, горемыка, – Марш протянул руку.

Анхелика принялась хлопать по карманам, пока не вспомнила, что надела пальто, а открытка была в кармашке кофты. Ага, вот она!

– Ого. Ничего себе! Из какой ты деревни, практикантка? Штернхаген уже давно перенесли и переименовали в Штормхаген, уже больше двадцати лет назад.

– Шторм...хаген, – у Анхелики по щекам побежали слёзы. – Ох. Меня ведь предупреждали.

– Что ж, понятно, практикантка... придётся мне тебя проводить. А заодно и отправить вашей магистре послание. Уж я ей задам!

С этими словами инспектор Марш тяжело вздохнул, снял перчатку, взял Анхелику за руку и – пух! – с тихим звуком, с каким в лесу падали с веток сугробы, осуществил телепортацию. Всё ещё дрожащая Анхелика даже не сразу поняла, где находится, но это точно не было мрачное логово маньяка.

Тут было светло, тепло, чисто.

– Гостиница, – пояснил инспектор Марш. – Не ахти какая, но для адепки-неудачницы в самый раз. К тому же другой всё равно нет. Придешь в себя – и проваливай домой.

И поспешно вышел, оставив после себя какую-то неловкость. Что его так раздражало? Анхелика не понимала, и оттого ей было не по себе.

– Грубиян какой, – сказал Помус.

– Мы с тобой не лучше, – сказала Анхелика. – Мы ведь его даже не поблагодарили!

– Он так недоволен твоим появлением, что благодарности бы привели его в ещё худшее настроение, – заверил куст.

ГЛАВА 5. Практикантка

Терренс Этьен Марш не мог определить: зол он, раздосадован или что-то ещё. Непонятное чувство походило на зуд, только почесаться нельзя. Он совершал обычный обход опас-

ной территории и уловил явственный и достаточно ровный магический фон. Если б не чужая магия, он бы прошёл мимо и не услышал бы призывов помидорного куста, не нашёл бы девушку.

Но наткнуться на практикантку, которую закинуло не туда – это ещё половина беды. А вот то, что магистра Присциллия до сих пор не потрудились перепечатать открытки... Да и потом, при раздаче, не озаботилась несоответствию... Память у неё отказала напрочь, что ли? Забывчивость в этом случае могла бы стоить очень дорого: человек чуть не погиб.

Практикантка показала Терренсу совсем ещё ребенком – даже удивительно, как это её сюда отпустили. Впрочем, практиканток в Штормхагене не водилось уже лет двадцать, если не больше. То-то Марш и не помнил ни одной! Если они тут и бывали, то на старом месте, где ещё не рос этот дикий лес, а стоял прежний городок. Да-да, именно тогда он и видел колдуний-практиканток, его как раз накрыло с головой интересом к взрослым красивым девушкам.

Этой, интересно, какое задание выдали? Если выжить в Штормхагене – то еще непонятно, провалила она его или нет. Не приди Терренс на помощь, и остался бы там только живой помидорный куст под куполом, но и его постепенно свалила бы тьма.

Он не поленился вернуться к гиблому месту, хотя у него уже ныла нога. Где-то лет семь-восемь назад одержимый гиблым местом человек, уже почти очерневший, накинута на прежнего инспектора и Терренса с пистолетом. Еле отбились – ну, а у Терри на память осталась боль чуть ниже колена, там, где пуля вырвала кусок голени и застряла в кости.

От вчерашних следов и магического фона ничего уже не осталось, но охранные чары истощились. Гиблое место получило немного свежей магии, но недостаточно, чтобы разрастись – и на время успокоилось, затаилось. Досадую непонятно на что – ведь не пришлось даже бороться с порождениями Хаоса – Терренс подновил чары и вернулся домой. Печь в его домишке остыла, дверь слегка примёрзла, но ничего страшного не произошло. Во всяком случае, он сумел войти, и защитные чары были в порядке, и вообще всё было в порядке... Кроме самого инспектора Марша. Он злился до самого утра, это мешало спать: он видел сны. В его размеренную и упорядоченную жизнь вторглась раздражающая неожиданность. Это нарушало его правила и устои! Примерно так действует противный сквозняк, прорывающийся даже сквозь законопаченные щели. Не слишком досадно, но мешает жить.

С утра пораньше инспектор Марш поспешил на станцию связи и потребовал набрать номер Высшей Школы магического мастерства. Вчерашний говорящий куст отчетливо назвал место, где училась горе-практикантка.

С той стороны долго не отвечали, и Марш едва не закипел, пока дождался ответа. Вот почему он, едва услышав голос секретаря, он резко приказал:

– Магистру. Срочно.

– Кто и по какому делу? – уточнила секретарь, позевывая в трубку.

Они там все спят, запоздало сообразил Марш. Два часа разницы – тут уже девять, там ещё семь. Но ему было плевать.

– Инспектор. По срочному и неотложному, – зарычал он в трубку. – Магистру, мать вашу, быстро!

И, едва женский голос сонно произнес:

– Магистра Присциллия. Слушаю!

Как на магистру обрушилась гневная речь:

– Вы что творите, магистра? Вы понимаете, что чуть не угробили вашу практикантку? Это вам не слишком дорого станет, да? У вас там излишек адептов, что вы девочками направо и налево разбрасываетесь? Тогда можете сразу засовывать их в пасть Хаоса, знаете ли, дешевле выйдет...

– Фрэн инспектор... Не имею чести знать вашего имени и откуда вы...

– Инспектор Терренс Марш, – чуть утратив градус кипения, буркнул Марш. – Штормхаген, Зелёные острова.

– Ага, Штернхаген, точно. Это к вам для прохождения практики была направлена Анжелика Пэм, адептка выпускного курса... Она, кстати, хорошая, послушная девочка. На этот раз не стала искать легких путей и сама вызвалась на практику именно в Штерн...

– Штормхаген, магистра Присциллия! Двадцать лет как мы Штормхаген, а прежнее место съедает Хаос! Впору слать инспекторов и пограничников, а не девчонок-двоечников! Ваша старая открытка направила ребенка прямо в гиблое место, глупая вы старуха!

– Инспектор Марш, прошу вас не забываться... Я прекрасно помню ваш городок, он был такой милый...

Внутри Терренса всё заклокотало по новой.

– Проснитесь, магистра Присциллия! У вас данные более чем двадцатилетней давности, примите меры! У вас ребенок чуть не погиб, понимаете?

– Ребенок?

– Девочка, как вы её там называли... Ангелика! Пэм! Вы пришли в себя, магистра? По счастью, открытка ваша привела её к краю гиблого места, а попади она в центр – от неё бы уже и воспоминаний не осталось. Вы понимаете?

На том конце телефонного провода долго молчали. Затем магистра сказала уже совсем другим голосом:

– Бог ты мой...

– Наконец-то. Исправьте всё, где есть название Штернхаген, проверьте координаты, примите меры. Ангелика Пэм сейчас в безопасности, но лишь благодаря счастливой случайности. Пожалуйста, не повторяйте эту ошибку, она вам дорого станет.

– Вы же не будете предавать это огласке? – осторожно спросила Присциллия.

У неё был такой растерянный, даже жалкий тон! Терренс кивнул, забыв, что жесты по телефонному проводу до адресата не доходят.

– Я должен. Эта ошибка могла стоить жизни девочке.

– Ей двадцать три, если что, – сухо вато сказала магистра, как будто это что-то меняло. – Она взрослая... девочка.

Ну какая разница, сколько ей лет?! Пятнадцать, тридцать, пятьдесят... или ах да, двадцать три! Все равно ей рано погибать. Терренс, не выдержав, с такой силой шваркнул трубкой о рычаг, что станционный автомат сорвался со стены. Смотритель поглядел на инспектора с укором, но ничего не сказал. Его конторка была достаточно близко, чтобы слышать слова Марша.

– Они не понимают, что такое «гиблое место», – счёл нужным пояснить инспектор.

И стремительно вышел.

Плохо, когда инспектор не держит себя в руках. Он не должен выходить из равновесия. Но тут его буквально ногами из этого равновесия выпнули, чего уж там!

В гостинице у стойки никого не оказалось. Не такое тут было место, чтобы часто останавливались постояльцы, тем более требовательные к обслуживанию. Нелл, хозяйка, частенько дежурила в одиночку: и за сторожа, и за портье, и за грузчика, и за горничную тоже. Хорошая, сильная женщина. Тут только такие и приживались, в Штормхагене, с гордостью за Нелл и весь городок подумал Марш.

В узком холле вместо Нелл или её помощника Хаттона Терренс натолкнулся на незнакомую девушку в опрятном фланелевом платье, коротковатом для здешних мест. На шею она намотала толстый шарф, а на ноги надела шерстяные носки. Зато смуглые голени так и сверкали.

Вот же чудная! В гостинице было тепло – Терренс уже успел и шапку снять, и бекешу расстегнуть. А девушка куталась в шарф. У неё были тёмные волнистые волосы, которые отдавали

рыжиной на концах, а у висков закручивались в мелкие колечки. Чуть смугловатая кожа, яркие полные губы. И глаза светло-карие, почти желтые. По излишне теплой одежде и необычной внешности инспектор сумел догадаться: это та самая. Которая ночью показалась ему совсем ребенком, лет шестнадцати-семнадцати. Сейчас было ясно, что она все же постарше, как и сказала магистра.

Ну конечно, кто ж отпустит подростка на практику в далекий и чужой город... Это он не подумал.

– Эээ, – сказал инспектор Марш, припоминая, как там назвала свою adeptку магистра Присциллия. – Фрэнни Ангелика Пэм?

– Анхелика, – с легким недоумением поправила его девушка, и при этом так посмотрела...

То ли удивлённо, то ли чуточку настороженно.

– Анх.. гх... Ангелика, – как же сложно оказалось произнести это пушистое имя. – Вам так... больше подходит.

– Хорошо, не буду спорить, – вздохнула девушка. – Ангелика так Ангелика. А вы...

– Марш. Инспектор Марш, – терпеливо сказал Теренс. – Вас направили сюда нечаянно, это ошибка.

– Простите, инспектор, – ответила Анхелика. – Простите, я... Я ночью вас не разглядела, поэтому не сразу поняла, что это вы...

Смутилась, отвела взгляд.

– Спасибо, – пролепетала, краснея.

Терренсу тоже стало неловко. Краснеет она... Он и сам небось уже покраснел – у рыжих кровь легко приливает к лицу.

– Вы не простудились? Чувствуете себя хорошо? – спросил он неловко.

– Горло побаливает, но в целом... учитывая, что я могла вообще не выжить, это пустяки, – ответила девушка.

– А ваш компаньон в порядке? – продолжил расспросы Терренс.

– Да, спасибо, инспектор Марш.

– Вот и ладно. А теперь вам надо отправляться домой, в Косебю. Думаю, ничего страшного, что магистра Присциллия назначит вам новое место для прохождения практики.

– Простите, что доставляю хлопоты, – сказала Анхелика, не поднимая на Терренса взгляд. – Я не знала, что так выйдет.

– Думаю, никто не знал. В общем, вашей магистре я уже позвонил со станции связи, а вам советую собирать вещички и возвращаться. Вы же не потеряли открытку?

Анхелика посмотрела на Терренса, и глаза её наполнились слезами.

– Что? Потеряли?!

– Я не могу вернуться. Практика – это год в выбранном студентом городе, и если ее не зачтут...

– Ангелика, – как можно мягче, непривычно мягко сказал Марш, – здесь вам нечего делать. Возвращайтесь и попросите там назначить вам другое место для прохождения практики. Хорошо?

Девушка, наконец, кивнула и, развернувшись на пятках, убежала вдоль по коридору. Ноги в шерстяных носках мягко простучали по полу.

Марш только вздохнул.

– Что, хорошенькая, да? – спросил вдруг женский голос, да так близко, что Терренс вздрогнул.

Это, конечно, была Нелл – старая добрая Нелл, то есть, конечно, по возрасту совсем не старая, а нравом не всегда добрая, но ведь почему-то её именно так и называли. Эта женщина была «своим парнем» для половины жителей Штормхагена и входила в городской совет.

Широкая, с некрасивым круглым лицом, она притягивала к себе словно магнит: признаться, выплакаться, покаяться. Здешнему священнику так охотно не каялись, как Нелл!

И вот она стояла и с улыбкой спрашивала, считает ли он хорошенькой какую-то глупую девчонку!

Терренс нашёл в себе силы пожать плечами.

– Ночью, в темноте, я принял её за ребёнка, – сказал он. – Думал – ничего себе, с большой земли девчущку прислали лет шестнадцати, что с нею тут делать?

– Ну а зачем тебе с нею что-то делать, а? – Нелл толкнула Терренса локтем в бок. – Шалун какой. У неё практика, а что это значит? Я уж и не помню, так давно тут не появлялось колдуний с материка.

– Это могло бы значить, она будет год отрабатывать задание, а потом уедет, – ответил инспектор. – Но ты же понимаешь, Нелл? Она южанка, неженка и, кажется, совершенно бесхарактерная. Что даже странно для колдуньи – не такими они были раньше! – но современные девушки частенько такие бесхребетные.

– Мда? И много ты видел современных девушек? – приподняла брови Нелл.

– У нас таких точно не водится. Но я был на материке три, нет, четыре года назад...

– Всё-таки пять, – подсказала Нелл.

– Да ну неважно! Я добьюсь того, что её вернут обратно в Косебю.

– Ты испортишь ей практику, и может быть, она не сможет завершить учебу.

– Это не мои проблемы! Это забота её директора! – не удержался и вспыхнул Терренс.

Нелл только вздохнула.

– Ну хорошо. Как скажешь. Пойду-ка я пока позабочусь о завтраке. Хочешь позавтракать с нами, Терри?

Он забыл позавтракать, и, конечно, при упоминании о еде желудок тут же сжался и заурчал. Но Марш был зол и отказался. К черту, позавтракает где-нибудь в городе, это несущественно. На выходе Терренс не удержался и хлопнул дверью, надеясь, что маленькая практикантка подглядывает с лестницы и услышит этот резкий звук.

ГЛАВА 6. Заноза

– Помус, мы собираемся, – сказала Анхелика, входя в номер.

Тут было чуточку теплее, чем в коридоре и на лестнице, но всё-таки тоже прохладно. В Косебю осенью на улице теплей, чем в номерах здешной гостиницы!

– Куда мы собираемся? – удивился помидорный куст. – Что, ты, ещё не выходя из этого клоповника уже нашла, где поселиться? Удачно!

– Нет, я ничего не искала. Вышла из номера, чтобы найти портье, наткнулась на... инспектора Марша, и он велел мне уезжать отсюда. Сказал, что это ошибка.

– И ты, конечно, сказала «да, я уеду»? – спросил Помус. – Ну, чего от тебя еще ожидать.

Его слова больно укололи Анхелику. Она вовсе не хотела кому-то казаться бесхребетной и безотказной. Но ей тут и в самом деле не место!

– Я вернусь в школу и скажу магистре, что она ошиблась. Может быть, она сможет не засчитать это как провал...

– Ты уверена? – спросил Помус. – Что, если магистра решит вопрос по-другому? Уже сколько раз было, что отчисляли совершенно несправедливо и не по такому серьёзному вопросу, как практика. Вот чуют мои завязи, не дадут тебе диплом, если вернёшься.

– Разве ты не хочешь отсюда уехать? Тут холодно, – сказала Анхелика.

Её терзали сомнения. Во-первых, Помус был во многом прав! И очень хотелось показать всем, что она вовсе даже сильная и волевая, такая, как сестра и мать. В их роду были очень сильные колдуньи! А ведь магия напрямую зависит от того, какой у тебя характер, поэтому

нельзя позволять себе быть вялой, нерешительной, слабой. И Анхелика считала себя отнюдь не слабой! Просто уступчивой. Ну не любила она спорить попусту и упрямиться, когда не нужно.

Во-вторых, по возвращению Анхелику действительно могли оставить без диплома. Практика была очень важна, и провести её надлежало там, куда пошлют. Ей ведь и так сделали уступку, предложив выбрать место самой, и она выбрала. Какими бы ни были трудности, надо было их преодолеть. Анхелике дали в помощь деньги и чемодан со всем необходимым, и эконо́м Себастиан точно знал, что именно пригодится ей именно здесь... Жаль только, что никто не дал уверенности и силы. И теперь... как всё изменить? Как вернуться без потерь? Девушка не знала.

В-третьих... Больше, чем каким-либо «всем», не вполне определяемым и совсем даже неизвестным, Анхелике хотелось что-то доказать именно инспектору Маршу. Просто потому, что обиделась на него. Он счел её ребенком, разговаривал как с глупой капризной девочкой, и вообще... просто обидно, и всё!

– А этот инспектор, кстати, он ничего? Получше твоего Себастиана? – спросил Помус, как будто подслушав, о чем думала Анхелика.

– Я не заметила, – поспешно сказала девушка, хотя успела наглядеться на Марша за время беседы.

Во всяком случае, его светло-рыжие волосы, очень светлую кожу с веснушками, голубые глаза и складную фигуру в строгой форменной одежде точно рассмотрела. Заметила и легкую хромоту. Красивый ли? Лучше ли Себастиана?

– Он старше, чем наш эконо́м, – добавила молодая колдунья. – И вообще, не мой типаж. Я бы ни за что не влюбилась в такого скучного, занудного, невыносимого, противного, упрямого, равнодушного...

– Стоп-стоп, хватит эпитетов, – сказал Помус. – Я же только спросил. В общем, моё мнение такое: у тебя есть задание и возможность не сплеховать с ним. Я бы остался. Только береги меня от сквозняков.

Анхелика вздохнула. Потрогала пальцем землю в горшке: помидорный куст не любил засуху. Полила его из кувшина для умывания. Тут было не слишком уютно, и очень маленькая уборная с душевой были общие с соседним номером, хорошо хотя бы, пока пустовавшим. Но у Анхелики ведь не было намерения оставаться здесь, в гостинице. А найти себе домик или квартиру на те деньги, что ей выдали, она вполне могла.

В дверь постучали, и в ответ на нерешительное «войдите» в номере появилась массивная, добродушная женщина. Именно она ночью оказалась такой доброй и заботливой, не стала задавать лишних вопросов, а почти моментально заселила Анхелику в номер. Тогда он показался девушке тёплым, уютным и надежным – не то, что сейчас. Теперь она зябла и ёжилась даже в трех слоях теплой одежды!

– Хорошего утра! Я Нелл, – сказала женщина приветливо. – Если вы проголодались, то готов завтрак. Другие постояльцы сейчас спустятся в столовую, но вам я могу принести всё сюда.

Но не принесла, а значит, надеялась, что Анхелика спустится. Так девушка и решила сделать – потому что прежняя Анхелика, конечно, согласилась бы, что можно позавтракать в одиночестве.

– Вы меня проводите? – спросила она, и Нелл кивнула.

– Мы не так уж часто видим новые лица, – сказала она, пока спускалась вместе с Анхеликой по лестнице. – Из приезжих одни и те же: кто из соседней деревни на пару дней, кто по торговым делам. А с материка и вовсе редко кто является. Да теперь уж и не ждём: зима наступила.

– Да, – сказала Анхелика, – я заметила, что у вас тут зима. Здесь же всегда так холодно? Меня ночью чуть снегом не засыпало.

Про непонятное, про «гиблое место» и прочее упоминать не хотелось.

– Если б не Терренс, ты пропала бы раньше, чем замёрзла, – пожала плечами Нелл. – Хорошо, что он такой обязательный и ни разу не пропустил ни одного рейда. Но ночью была оттепель. Потому и снег шёл.

– Оттепель? – изумилась Анхелика. – Это была оттепель?! Но ведь было ужасно холодно!

– Просто ты в одной пижаме перенеслась из теплой комнаты в ночной зимний лес, – засмеялась Нелл, – оденься ты потеплее, и всё было бы в порядке. Смогла бы дойти до города, при условии, что гиблое место тебя бы отпустило... Ну, а вот наша гостиная и столовая в одном лице.

Комната была не слишком просторная, особенно для столовой. Собственно столов тут оказалось три, составленных буквой Т. За ними сидело всего четыре человека, тогда как мест Анхелика насчитала не меньше двенадцати.

– Садись туда, поближе к камину, – посоветовала Нелл.

Анхелика вначале послушалась – ей и самой бы хотелось устроиться там, где гудело в камине яркое пламя. Но вдруг она поймала себя на мысли, что, вели Нелл сесть на другое место, она не стала бы возражать. И мысленно пообещала себе, что в следующий раз непременно возразит! Хватит быть такой послушной и удобной девочкой! Но сейчас всё-таки усе-лась поближе к огню.

– Хорошего утра, – сказал ей сосед, сидевший напротив, – возьмите оладушки, они нынче замечательные. Тут неплохаястряпня, если только Нелл сама не берётся готовить.

Хозяйка гостиницы опасно засопела, и постоялец поспешно добавил:

– Тогда еда такая вкусная, что все просят по десять добавок! И вечно всем не хватает. Хаттон, её помощник, неплохо готовит – но куда этому салаге до нашей Нелл!

– Хватит, Джо, – сказала хозяйка, посмеиваясь.

– Передайте, пожалуйста, яичный конверт с ветчиной, – сказала Анхелика, указывая на блюдо с выложенными на нём треугольничками.

Конвертики были такими аппетитными, поджаристыми! У Анхелики слюнки потекли: она ведь давно не ела, а пахло вкусно.

– А как же оладушки? – огорчился Джо

Но Нелл только зыркнула на него, и он замолк.

Девушка смогла, наконец, заняться завтраком, и он был чудесен. Сочный, хорошо про-жаренный омлет, свежая ветчина с дразнящим запахом копчености, расплавившийся внутри сыр, тянущийся упругими ниточками. Всё было в меру солёным, а уж с тостами из хлеба гру-боватого помола да с горячим чаем – просто замечательно!

Завтрак прошёл без лишних разговоров и расспросов, очевидно, потому что за столом царил Нелл. От этой поддержки Анхелике было немного неловко, но и на вопросы отвечать не хотелось. Особенно на те, ответов на которые она сама пока не знала: например, «надолго ли к нам?»

Обратно в комнату девушка пришла довольно быстро и тут же принялась одеваться. Она подсмотрела, как одета Нелл: толстые вязаные чулки, стёганая юбка почти до пят, свитер. А у входа висела теплая длинная куртка, Анхелика видела её с лестницы, и шапка из меха. Такой у нее в чемодане не нашлось, и Анхелика надела вязаную полосатую шапочку с двумя ушками, которые опускались почти до плеч и заканчивались яркими кисточками. Такие шапочки очень любили в Косебю и вообще повсеместно на материке. Многим горожанам так не терпелось поскорее их надеть, что они едва дожидались поздней осени. И хотя зима на материке сто-яла очень тёплая и легко можно было обойтись без шапки – всё равно там и сям виднелись эти полосочки и кисточки. Оранжевые, малиновые, ярко-бирюзовые, белые и тёмно-зеленые полосы частенько повторялись на митенках и гетрах, поэтому жители Косебю зимой выглядели

очень нарядно. Особенно если зима их баловала и чуть присыпала улицы тонким, быстро тающим снежком.

– Зачем одеваешься? – поинтересовался Помус, видя, что колдунья принаряжается перед зеркалом. – Чтобы перенестись домой, достаточно просто запихать всё это добро в сумку и чемодан. Стало быть... ты остаешься?

Анхелика покивала, и помидорный куст вдруг сказал странным тоном:

– Я не услышал. Скажи это погромче.

– Да. Я остаюсь! – сказала Анхелика. – Я буду самой упрямой и самой противоречивой занозой в заднице здешней инспекции.

– В... где? – переспросил Помус.

Строго воспитанная Анхелика раньше не произносила таких слов, как «задница», а тут вдруг вырвалось! Поэтому девушка покраснела. Но всё равно повторила:

– В заднице инспектора! Я свое дело знаю, задание у меня есть, год на выполнение тоже. Действуем!

– Бедный инспектор, – давясь смехом, сказал куст. – Смотри, не хватайся там за что попало в поисках его задницы, а то испортишь корешок – и не будет тебе прощения.

– Заткнись, – буркнула Анхелика.

– Скажите пожалуйста, какая стала грубиянка, – проворчал Помус и отвернулся к оконному стеклу.

А колдунья с утроенной энергией принялась укладывать вещи в чемодан. Только на секунду приостановилась, коснувшись бумажного свертка. Странно, она до этого вроде бы не трогала то, что было завёрнуто Себастианом в бумагу и лежало в самом уголке, внизу. Да и к стопке над свертком она вроде бы не прикасалась – к той, которую сама сюда и положила. Это было нижнее белье и две ночные рубашки, Себастиану такое не доверишь, да и вообще никому, а теперь Анхелика видела, что белье кто-то переверорошил. Сверток же явно развернули и свернули обратно. Бечевка растрепалась, появились новые сгибы, старые пыталась разгладить чья-то рука.

– Помус, а пока я завтракала, здесь кто-нибудь был? – спросила Анхелика.

– Помощник хозяйки был, с уборкой номера.

– Я ещё не выписалась, а он уже убрался?

– Ну да. Вот же и постель перестелил, и пыль смахнул, и воду в кувшине поменял. А что?

– Он в моих вещах не рылся, ты не заметил?

– Как будто мне отсюда всё видно, – проворчал куст. – Я тут на окне стою, вообще-то, а твой чемодан стоял за шкафом.

Анхелика проверила, всё ли на месте, особенно деньги. Но ничего не пропало. Был, конечно, соблазн, проверить, в порядке ли подарок Себастиана. Вот только это могло к чему-то обязывать, а Анхелике этого не хотелось. Эконом по-прежнему не вызывал в девушке никаких чувств, помимо приятельских.

Она вернула Нелл ключ от номера и спросила, как здесь обстоят дела с жильём. Та посоветовала обратиться в городской совет, а пока оставить вещи и Помуса здесь, но Анхелика сунула уменьшившийся чемодан в сумку и решительно покинула гостиницу. Хотя и ни слова не сказала о том, что кто-то изрядно покопался в её вещах. На это у девушки не хватило духу, да и потом – ведь ничего не пропало и не было попорчено!

Закрывая за собой дверь, она увидела молодого человека, чистившего дорожку от снега. Он был одет в серую куртку с капюшоном. Ни шапки, ни шарфа на нем не было. Вероятно, это и был помощник Нелл. Анхелика прошла мимо, только чуть покосившись на него. И в ответ получила довольно-таки злобный взгляд. Может быть, здесь просто не любили чужаков, но колдунье это всё равно было неприятно.

– До свидания, – сказала она сдержанно.

– Всего доброго, – недобро ответил помощник хозяйки гостиницы.

ГЛАВА 7. Неизвестный

Обязанности магического инспектора в таком месте, как Штормхаген, обычно совмещаются с обязанностями инспектора полиции. Здесь не так уж много правонарушений – это же не портовый город вроде Порт-Хагена и отнюдь не людное местечко. Раньше, когда город располагался западнее и занимал часть лесистого склона Штернхольда, отсюда сплавляли леса. Чуть южнее было пастбище, а восточнее – поля, засеянные ячменем и овсом. Амбары, мельницы – кроме одной, самой ближней к новым границам города – и небольшой кожевенный завод – всё съело гиблое место. Порожденное Хаосом, оно подпитывалось извне любыми магическими возмущениями выше среднего. Хаос отъел большую часть полей, луга вместе со стадами, а не успевших эвакуироваться людей превратил в черняков, которые и по сей день выходили из леса в тоске по человеческому теплу. Увы: в поисках этого тепла черняки обычно губили любого, кто встречался им на пути.

Анхелике, девочке из южных земель, повезло, что она не встретила ничего такого. Она оказалась близко от границы, и только гиблый лес чуть потянул из неё силы, едва она попыталась применить магию. Марш тогда здорово рискнул собственной энергией, затеплив магический свет, но что ж поделать, надо было как-то спасти девочку. Он отвлек внимание гиблого места на себя, а затем, обнадёжив, ушел и увёл юную жертву прочь.

Ох уж эта «юная жертва»! Не шла она у Терренса Марша из головы. Даже на другой день он, обходя город, всё время мысленно возвращался к ней, вспоминал эти желтоватые наивные глаза и волнистые темные волосы, мелкими колечками завивавшиеся на висках... И думал о том, что Анхелика, наверно, уже давно вернулась в свой Косебю. Там тепло и не надо бороться за свою жизнь каждый день.

Здесь, впрочем, тоже не надо ежедневно заниматься выживанием – конечно, если ты привык к холоду и не боишься жить без магии, обладая ею. Учись подавлять эмоции и энергию, учись оставаться спокойным, а главное – не забывая следить за тем, что творишь, и постоянно контролировать себя и других.

– Инспектор! – окликнули Терренса, когда он шёл по Лесному проезду, уже очищенному от снега после вчерашней метели. – Здесь ограбленный человек лежит!

Он резко повернулся в сторону, откуда кричали.

– Ударили по голове чем-то тяжелым, – торопливо докладывала пухленькая миловидная Тэнни, жена кожевника. – Иду я из булочной, а он лежит.

Между домами шесть и восемь и впрямь лежал на снегу мужчина – незнакомый, темно-волосый, довольно молодой. Без шапки и в слишком лёгкой куртке для здешних мест. Шапка, впрочем, нашлась поблизости – такая странная, вязаная и в полосочку. Два дурацких помпона на длинных ушах заставили инспектора Марша поморщиться. Что за глупый вид должен быть у мужчины, который носит такое?

– Почему ты думаешь, что его ограбили? – спросил Терренс, тщетно пытаясь привести мужчину в чувство.

Слишком уж сильно пострадавшего приложили по голове!

– Да потому что, видите ли, инспектор, – затараторила Тэнни, – отсюда выбегал этот негодник Фред. Все знают, что он воришка! Он тащил саквояж, а у воришек не бывает таких красивых саквояжей. Да и, думаю, во всём Штормхагене такая вещь есть разве что у доктора, который, в общем, и сам не местный!

– Хм, – сказал Терренс, и это было всё, что он сказал.

Но Тэнни поняла, что сболтнула лишнего. Во-первых, сын доктора Фред Финли ни разу не попадался на воровстве, а просто был чересчур шустрым пареньком для своих лет и положения. Во-вторых, мелкие воришки не бьют прохожих камнями по голове, а мужчину именно

камнем и огрели. В-третьих, доктор жил в Штормхагене уже лет пятнадцать и вполне мог сойти за местного.

– Позови доктора Финли, а я пока осмотрюсь, – велел Марш самым строгим своим тоном.

Но, пока добрая женщина бегала за доктором – а это заняло не так уж много времени – он ничего особенного не обнаружил. В первую очередь Терренс, конечно, замерил магический фон – на предмет предельно допустимых норм, конечно. Восьмилучевая звезда на его груди – артефакт для определения магии – светилась очень слабо. Если магию тут использовали, то для чего-то незначительного, либо просто пользовались магическим предметом. Артефакты частенько оставляют именно такой фон – не сильный и как будто размазанный.

Следов ног тут было полным-полно, пятно крови на мостовой – маленькое, возле головы – всего одно. Камень, которым парню расшибли голову, нашёлся прямо под чудной шапчонкой в полосочку. Была бы у раненого нормальная меховая шапка – уберегла бы. Терренс очень рассердился на шапчонку, но потом рассудил, что она, может, и не раненому принадлежит, а неизвестному, который на него напал.

Бросил, стало быть, камень, а затем и шапочку уронил. А тут Фред Финли крутится – пришлось преступнику, не дограбив, убежать. «Правильно?» – спросил сам себя Терренс. И сам себе кивнул. Правильно! Фред не стал бы грабить, не такой он парень.

Тэнни всё не шла – с доктором или без него, а парень лежал на холодной мостовой, так что инспектор встал на колено рядом. Чуть хрустнуло в больной ноге, но ничего, болью не стрельнуло. Он снял перчатки и положил обе руки на ледяные камни. Поморщился, представляя последствия – как откликнется на магию гиблое место, как поползёт в сторону Штормхагена разрушающая всё темнота, как всколыхнется где-то в неизвестной дали границы Хаоса. Как всегда, выбор был небольшой, без возможности компромисса. Впрочем, энергия уже сама текла по венам, вырывалась из ладоней, согревала неподвижное тело. Словно в ответ на тепло парень вдруг вздохнул глубоко и прерывисто – и застонал. Живой. Надолго ли?

Вскоре послышался характерный скрип снега и собачий лай. Тут по старинке многие держали собак – на мобили, как паровые, так и новомодные бензиновые, надежды особой не было. Они нередко подводили, а собаки оказывались куда полезнее.

– Инспектор, инспектор, – подтолкнув Терренса, рядом плюхнулась на коленки Тэнни. – Мы здесь!

– Встань, Тэн, ты же простудишься, – сделал ей замечание Марш.

– Да ну, брось, Терри, она крепче вековых льдов на вершине Эрдур.

А это уже доктор Финли. Начитанный, мороз его пробери.

– Что у тебя тут? Опять какого-то бедолагу приморозило? – спросил доктор. – Э, да он южанин, что ли?

А ведь и правда, это же был южный житель, такой, как Анхелика. Терренс посмотрел на смугловатое лицо, темные курчавые волосы, чуть вывернутые полные губы и длинные чёрные ресницы раненого. Он и напоминал Анхелику – очень отдалённо, конечно. Если девушка была красива нездешней и яркой красотой, то этот парень был... Просто смуглый парень.

– Рана в голове, – коротко пояснил Терренс. – Я его согреть пытался, знаешь ли.

– Ну и зря, всё равно видно же, что не жилец, – сказал Финли и тут же добавил: – Но всё же давай погрузим его на санки и отвезём ко мне домой.

Доктор Финли практиковал на дому, потому что городской совет по различным причинам всё откладывал и откладывал оборудование нормальной больницы. Характер Финли это не улучшало.

– Давай, – кивнул Марш, приподнимая мужчину за плечи, вернее, за подмышки.

Финли и Тэнни взяли раненого за ноги. Так, втроем, поднатужась, они дотащили его до санной упряжки. Шесть серых голубоглазых псов радостно залаяли и стронули санки с места. И помчали доктора с пациентом во весь дух!

Тэнни повернулась к Терренсу:

– Это что же? Сын по голове людям камнями бьет и чемоданы ворует, а отец, значит, потом лечит? Может, Фредди это нарочно, чтобы Ди было чем заняться, а?

Марш почесал подбородок, подобрал шапочку и камень, огляделся еще раз и пошёл в сторону дома доктора. Ему не очень хотелось быть невежливым с женщиной, но и вежливости уже не хватало.

По пути он увидел, что заброшенная лавка на углу Мастеровой и Швейной улиц ожила. Там явно что-то происходило, но за толстым слоем пыли и побелки через окно было ничего не видно. Однако из приоткрытой двери валит пар, а изнутри слышалось размеренное шуршание что-то подметающей щётки.

– Ну-ну, – сказала Тэнни, и Марш только тут сообразил, что неугомонная жена кожевника увязалась за ним. – Посмотрим, на сколько её хватит.

– Кого? – рассеянно спросил инспектор.

– А это новенькая, которая тут вчера объявилась как из ниоткуда, она уже внесла оплату за лавку в городском совете. Её предупредили, что лавочка непростая, но она никого не слушала. Упрямая и всё поперёк делает. Ну и характер!

Стало быть, у них тут ещё одна новенькая появилась? Да еще с характером, в отличие от Анхелики Пэм? Что-то их городок вдруг стал необыкновенно популярен! Терренс решил, что на обратном пути обязательно зайдёт. Вот только выяснит, что там с найдёнышем и его саквояжем, и вернётся сюда.

ГЛАВА 8. Терренс в недоумении

Доктор Дилан Рэй Финли не был магом. В Штормхагене магов почти нет – никому из них не улыбалось жить и работать в городе, где нельзя пользоваться магией в полную силу. Но что-то волшебное в том, что творили руки доктора, всё-таки было. Вот он умело перебинтовал уже обритую и обработанную снадобьем голову пациента, вот отмерил определённое количество капель в стаканчик, вот... Выпил всё сам.

– Ну а что? Я перенапряг спину, а это моё слабое место, – ничуть не смущаясь, что Терренс пришёл в его гостиную-приёмную и смотрит, сказал Финли. – А этот парень всё равно без сознания и глотать не может. Укол я ему уже сделал, не прожигай меня взглядом.

Терренс кивнул.

– Когда очнётся – дай мне знать. Пусть твой сын меня найдёт, что ли.

– Фред?

– А у тебя есть еще дети?

– Если и есть, то я о них ничего не знаю, – хмыкнул доктор. – Ладно-ладно, понял-понял, ты как всегда – скучный тип. Парень под надёжным присмотром, скоро придёт Арника, у неё на руках все пациенты тут же поправляются. Уже к вечеру позову тебя побеседовать с ним. Тогда и выясним, кто он и что забыл на наших задворках. Хотя лучше с утра, хорошо?

Терренс кивнул. Утром – более реальный срок. Не был он уверен, что этот человек поправится к вечеру настолько, что сможет говорить. Ещё был вопрос о саквояже, будь он неладен. Тут-то инспектор и обратил внимание, что на кушетке два почти одинаковых саквояжа, один из которых раскрыт и полон медицинского инвентаря. Этаких, знаете ли, неприятных блестящих и острых штук.

– А где сейчас Фредди? – как бы невзначай поинтересовался Марш.

– Фред! – тут же гаркнул доктор. – Поди сюда, ты мне нужен!

Фредди, обвиняемый добропорядочной горожанкой во всех тяжких и не очень грехах, появился так быстро, будто подслушивал под дверью. При виде инспектора он не смутился, не дёрнул отсюда побыстрее, а протянул руку. Марш посмотрел на подростка, ничего не говоря. Он был похож на отца – та же угловатость, тот же острый подбородок и веселый, чуть даже

хитроватый взгляд из-под светлых бровей. Оба они были русоволосые, улыбочивые, веснушчатые – только Фреду четырнадцать, а Дилану под сорок – точного возраста Финли-старшего Терренс не знал. Приехав в Штормхаген с беременной женой и потеряв её спустя полтора года после рождения сына, доктор остался рядом с её могилой. Монахом-отшельником не был, с женщинами завязывал непродолжительные отношения, никогда ни одну не обижал. Что до его сына, то многие считали мальчика настоящим хулиганом, не только Тэнни, однако инспектор Марш его ни разу ни на чём таком не ловил.

– Как раз хотел к вам обратиться, – сказал мальчик после крепкого рукопожатия. – Насчет этого вот саквояжа.

И он кивнул в сторону кушетки.

– Рассказывай, – предложил Терренс. – По порядку.

– Да чего там... Я шёл от невезучей лавочки в сторону Лесного проезда, смотрю – саквояж лежит почти посреди улицы. Подумал, что это отцовский саквояж. Удивился, подошёл, а там...

Подросток пожал плечами, словно затруднялся в подборе слов.

– Там этот вот был, – наконец, указал подбородком на раненого, сказал он. – Пытался отбиться от кого-то... Я не понял, с кем он там дрался. Это всё! Я просто схватил саквояж и дал дёру. Инструменты дорогие!

Тут уж в голосе Фреда прозвучал вызов.

Терренс не стал упрекать. Во-первых, худой и нескладный паренек не сумел бы защитить незнакомца от нападавшего. Во-вторых, двое дерутся – третий не мешай.

– То есть, когда ты пробегал мимо, этот мужчина ещё стоял? – уточнил он.

Фредди кивнул.

Тэнни видела мальчика убегающим, а потом нашла раненого. Стало быть, в тот момент ударивший его человек был совсем близко. Инспектор Марш снова почесал подбородок. В переулке, где лежал мужчина, было определено негде спрятаться, но убегавшего Тэнни не видела, значит, он всё-таки куда-то скрылся. Что этот человек хотел от незнакомца и зачем ударил по голове, пока было непонятно.

– Что можешь сказать про второго? – спросил инспектор.

– Да ничего особого, – ответил мальчик. – Я его и не видел почти, правда.

– Но это был он, не она? – уточнил Терренс.

– Да сложно сказать, – сказал Фредди. – Может, и она! Но в брюках. Я видел брюки, они такие были ... темные. И шарф какой-то желтый.

Эти детали ничего инспектору не прояснили, и он только вздохнул.

– Саквояж я забираю, – сказал с сожалением. – Пригодится.

Соблазн посмотреть, что в нём, был велик. Как и желание привести сюда Тэнни и всё это объяснить, чтобы не распускала слухи про мальчишку. Но горожанка куда-то запропастилась ещё на входе в дом, и Терренс не слишком жалел о том, что её тут нет.

– Ди, – сказал он, – да и ты, Фред, тоже. Вы бы поаккуратнее со своими шуточками. Особенно Фред!

– А чего я-то? – по свойственной подросткам привычке тут же заканючил подросток.

– Постоянно про тебя слышу, что ты воришка и озорник. Например, что там насчёт брошенной лавки на углу Швейной?

– А, невезучая лавка, – Фредди кивнул. – Да просто увидел, что там какая-то девушка хозяйничает, думал, пугну её немножко... Так, в шутку. Интересная такая девушка. У неё ещё куст под стеклянным колпаком. Не душно ему там?

Терренс чуть сдвинул брови. Куст?

– Говорящий? – уточнил он.

– Кто? – не понял Фред.

– Ну, куст. Под колпаком.

– Не знаю! Я побежал за чем-нибудь таким... Ну, чтобы пугнуть! Побежал, да и наткнулся на это, – мальчишка снова кивнул на саквояж.

Что ж, с багажом пострадавшего теперь было более или менее ясно. Ещё раз предупредив, чтобы Фред не слишком-то провоцировал штормхагенцев и не шутил так, чтобы это вызывало пересуды, Терренс Марш ушёл из дома доктора. Саквояж оттягивал руку.

Возле «невезучей лавки» он притормозил. За мутным витринным стеклом что-то происходило – кто-то то ли танцевал, то ли сновал туда-сюда без толку, непонятно. Марш уже протянул руку, как дверь распахнулась, и на мостовую плеснула грязная вода. Еле успел отскочить и не удержался – выругался так нехорошо, что на пороге кто-то пискнул:

– Простите!

В голосе Маршу послышался безуспешно скрываемый восторг.

– Ангелика, – сказал Терренс, входя и тесня внутрь лавки непослушную практикантку. – Я что вам сказал? Вам надо отсюда уходить. Где ваша открытка?

– Зачем мне открытка? – тут же ошетинулась девушка.

Она сейчас была чудо как хороша. Повязала пышные кудри красным в горошек платочком. Лицо разругалось – ох этот смуглый румянец! К щеке прилипла непослушная завитушка, выбившаяся из-под платка.

– И не вздумайте больше выливать воду на улицу! Вода замёрзнет – и кто-нибудь непременно поскользнётся! – сурово сказал Марш, с трудом отводя от этого прекрасного зрелища глаза.

Куда б деваться-то ещё. Он поставил саквояж возле двери и стал озиаться. Работы адептке предстояло немеряно: «невезучая лавка» была страшно запущенным местом.

На лице Анхелики появилась растерянность.

– Ох, – сказала девушка. – А я ведь и не подумала. Но подождите, я всё исправлю. Немножко магии... Не бойтесь, она бытовая, не опасная...

Терренс едва не заорал и поспешно схватил молодую колдунью за запястье.

– Стой, нельзя! – зашипел он. – Вас что, не предупредили в совете?

– Да что ж такое-то! Одно нельзя, другое нельзя... Да пустите же! Объясните толком, тогда и хватайтесь, – рассердилась Анхелика.

Гнев ей шёл куда как больше, чем растерянность. Мягкие черты лица стали будто из бронзы отлитыми, глаза засверкали. Терренс даже залюбовался, а девушка воспользовалась заминкой и схватила щётку для пола. И выставила перед собой, словно защищаясь – хотя Терренс и не нападал.

– В общем, я как инспектор должен предупредить, – кончиками пальцев отодвигая пыльную щётку подальше, сказал он. – Гиблое место тут не просто так. Оно возникло на месте промоины – так называется прохудившееся место... Материя мира как бы истёрлась от магии, и вот, знаете ли...

– А вчера вы говорили мне «ты», – прервала его девушка.

Марш окончательно сбился. Да что ж такое-то? Даже всё по порядку объяснить не получается. А ведь он всегда гордился тем, что умеет всё объяснять. Правда, некоторые, вроде доктора Ди или Нелл, за это обзывались занудой.

– Вчера я надеялся, что больше тебя не увижу, – признался Терренс на тон ниже. – Если хочешь всё по порядку... Нет, ты точно хочешь? Может, лучше тебе всё-таки выметаться отсюда?

– Нет, – сказала Анхелика. – Я решила. Это дело чести.

Чести? Ну при чем тут честь? Очень захотелось назвать её маленькой дурочкой и насильно пинками выставить из Штормхагена. Пускай там магистра с нею мучается.

– А где твой эгоистичный куст? – спросил Марш, почти сдаваясь.

Почти – это потому что он решил отступить временно. Найти слабые стороны противника, надавить... И выставить отсюда глупую девчонку, пока не натворила дел.

– Он не эгоист, он хороший. А сейчас он купается. Я вот к вечеру разгребу тут грязь, и заходите попить чаю, познакомиться с Помусом... А заодно всё рассказать, – предложила Анхелика почти мирно.

Терренс, признаться, был в таких вопросах слегка старомоден. Это значило, что предложение он просто так принять бы не смог.

– Для первого свидания это уж слишком, – сказал он. – Давайте лучше сходим куда-нибудь поболтать. К тому же твоя лавка не слишком хорошее место для... Чаепитий. Тут жить нельзя.

– Как это нельзя? В городском совете сказали, что можно, – удивилась и огорчилась Анхелика.

– Но это дом с привидением. Хотя, скорее даже, с полтергейстом.

– Это даже интересно. К тому же ни одна колдунья не будет бояться полтергейстов. У меня пятёрка по борьбе с такими сущностями, я участвовала в семинаре... Но если вы их боитесь, инспектор Марш – то хорошо, давайте сходим. Только не считайте это свиданием, хорошо? Мне просто надо немного информации. Кстати, приглашение на чай было только приглашением на чай.

Она даже засмеялась, правда немножко нервно.

– Ты неплохо оттаяла, – сказал Терренс. – А то мне показалось, что ты совсем бесхарактерная. Даже удивился. Но, видимо, это было от холода и от влияния гиблого места.

Анхелика вдруг посерьёзнела, вздёрнула подбородочек и гордо заявила:

– Я-то уж точно не бесхарактерная. А вы привидений боитесь. Да всего-то пара заклинаний...

Она еще не знала, что тут всё далеко не так просто. Приезжая, чужачка. Что ж, придётся ей действительно рассказать кое-что. Марш про себя даже прикинул, как сгустить краски, чтобы девушка напугалась!

Ухватив оставленный на входе саквояж-вещдок, он сказал, что зайдёт в восемь вечера, а затем откланялся. И до самой ратуши шёл посвистывая. Свидание там или не свидание, а настроение у Терренса отчего-то было хорошим. Может быть оттого, что Анхелика всё-таки не уехала и пробудет в Штормхагене ещё хоть пару дней.

ГЛАВА 9. Находка

Как только дверь за инспектором Маршем закрылась, Анхелика враз ослабела и присела на поломанную скамеечку. Девушка только что выдержала словесную пикировку с мужчиной, спасшим ей жизнь, и не дала ему себя выгнать. Это её изрядно взбудоражило – но вот сил в ногах и руках совсем не осталось.

«Если каждый раз давать кому-то отпор будет стоить мне таких усилий – то я, пожалуй, слягу!» – подумала Анхелика. Но тут же упрямо поджала губы. И всё-таки ей понравилось удивление во взгляде инспектора Марша. Понравилось, как он опешил, когда не получилось прочитать нотацию!

Правда, она не ожидала, что в результате придётся встретиться с ним этим вечером.

Можно сколько угодно избегать называть свидание свиданием, но когда тебя приглашает поужинать молодой человек, это что-то да значит.

– Не слишком-то он молод, – ворчливо заметил Помус, который подглядывал и подслушивал из соседней комнаты и досадовал, что не поучаствовал в беседе с инспектором. – И не особенно красив. Хотя, конечно, смотря с кем сравнивать. Если с этим вялым баклажаном...

– Это ты о ком? – удивилась Анхелика, расчёсывая перед маленьким зеркальцем непослушные кудри.

– О Себастиане, конечно!

– Зачем ты назвал его «вялым баклажаном»? – изумилась Анхелика. – Себастиан хороший, и...

– Но не наш вариант. А этот рыжий, он даже ничего, только лет ему многовато! Найдика ты себе какого-нибудь молодого глупого стручка!

Анхелика нахмурилась.

– Не надо так называть людей. Стручок! Это же совершенно неприлично! К тому же инспектор вовсе не старый, ты ошибаешься.

– Да это я так... Если его корешок ещё крепенький, то все нормально, – пожал ветками Помус. – Но ты ж не полезешь проверять? У вас, людей, всё так долго и сложно!

– Зато у тебя всё просто – лезешь своими лапами к любому цветочку, – сказала Анхелика, краснея.

– Размножение – базовый инстинкт у всех живых существ, – важно заявил куст помидора, – но я дитя прогрессивной магии и создан как самоопыляющийся экземпляр. Так что могу себе позволить пашни с кем угодно, ибо мое размножение от этого не зависит. Хочешь помидорку?

И, наглец, пульнул в лоб Анхелике недозрелым рыжеватым плодом.

– Давай за уборку. Ты хоть придумала, какое дело откроешь для прикрытия, моя бедняжечка? Шапочки вязать будешь?

– Я тебе не бедняжечка, компаньон, – вздохнула Анхелика.

Над делом стоило подумать, а пока она думала – и подметать закончила, и пол помыла. Окна почистила всё-таки магическим способом – кто ж моет стекла на морозе? Постаралась применять те чары, которые не требовали много энергии: нельзя так нельзя. Еще предстоит выяснить, что там за гиблое место и в чем смысл запрета. Но пока всё же девушка решила послушаться инспектора. Примерно наполовину.

В кладовке нашлись и стол, и стулья, и еще много всего, только это многое было не в слишком новом и хорошем состоянии. Кто и почему забросил лавку, Анхелике в городском совете не поведали. Сказали только, что последний владелец вроде был антикваром. По крайней мере, продавал всякие старинные вещи. Может быть! Но ничего старинного он после себя не оставил, кроме разве что пыли веков. Целые сугробы и шапки пыли.

Вязать шапочки! Вообще-то это была идея. К тому же Анхелика знала, что один раз в месяц может обращаться к школе с просьбой. Обычно адептки просили о деньгах на дополнительные траты или материалах для выбранного дела, обеспечивающего, по меткому выражению Помуса, «прикрытие». Просить о магической поддержке или волшебных предметах было не принято, да и школа могла ответить на такие запросы отказом. А вот что-то обычное – к примеру, спицы, цветную пряжу, даже подходящую мебель – магистра охотно предоставит! К тому же, подумала Анхелика, можно будет пригласить сюда пару местных женщин-помощниц. А где крутятся местные кумушки, там кипит жизнь!

Так что она пообещала себе подумать и решила сразу после уборки послать запрос. В самой лавке уже был почти полный порядок – хвала великому богу, она занимала первый этаж трёхэтажного дома, оснащённого и электричеством, и горячей водой. Городской совет, конечно, заставил Анхелику оплатить эти блага, но зато у неё имелись и отопление, и свет, и вода. В лавке было три помещения: небольшой зал, который мог быть торговым или мастерской, или совмещать и то, и другое, склад (на самом деле скорее кладовка) и жилая часть. Жившие тут люди оставили свои следы – и не всегда приятные. Если сама лавка выглядела просто пустой и пыльной, не считая кое-какой сложенной в углу мебели, то две комнаты и кухонька поражали запущенностью. Анхелика расчистила пока только спальню, но на ночь думала вернуться в гостиницу. Там по крайней мере не воняло тухлыми тряпками и плесенью!

Запрос она послала – для этого всего-то и надо было, что написать список требуемого да засунуть в специальный кармашек сумки. А потом проверить, там ли ответ! Но пока никто не отвечал.

Примерно в полвосьмого девушка заперла своё новое имущество на замок и принесла в гостиницу Помуса – Нелл отлично поладила с компаньоном, они уже даже сговорились попить вместе чаю. Помус не брезговал спитой заваркой, особенно если в чай добавляли немножко коньяку, а вместо булочки просил насыпать ему немного отрубей или мелко порезанной соломы. Анхелика запретила Нелл давать ему разведенные пивные дрожжи, потому что чаще, чем раз в неделю, кусту выпивать не разрешали. Надо знать меру!

– Уже завела тут связи? – любопытствовала Нелл, услышав, что Анхелика идет «кое с кем выпить чаю». – С кем хоть идёшь?

– Да у неё свидание с инспектором по магическим делам, как его там, – тут же голосом записного ябеды сообщил куст.

Анхелика почувствовала, что щеки краснеют, и промямлила, что никакого свидания ни с каким инспектором... Но Нелл, чуть нахмурившись, сказала:

– Его Терренсом зовут. И он хороший малый, только немножко зануда.

– И стесняшка, – хохотнул Помус.

– Такого я про Терри ещё не слышала, – удивилась Нелл. – У него есть принципы, вежливость и занудство... Но Терри и стеснение – совершенно несовместимые понятия.

Анхелика ещё не рассматривала инспектора Марша как некое «понятие». Правда, понять его она бы, пожалуй, охотно согласилась: интересный он был, что и говорить. Но девушка промолчала об этом – не хватало ещё, чтобы Нелл приняла её любопытство за желание сблизиться с Маршем.

Терренс... Его зовут Терренс, Терри. Ему шло это имя. Тоже такое, как он сам, светлое и немного рыжее.

– Инспектор Марш пригласил меня, чтобы рассказать побольше о городе и о здешних правилах, вот и всё, – сказала Анхелика. – Какое тут стеснение? Это ведь даже не свидание, скорее деловая встреча.

– Деловая... Это больше на него похоже. Не вздумай спрашивать Терри о его работе, детка, лучше, как только он выложит тебе правила, поболтай о своём, пусть послушает, – сказала Нелл. – Он изрядный сухарь и ему полезно... Встряхнуться. И получить хоть немного позитивных эмоций, если ты понимаешь, о чем я.

Анхелика не очень понимала. К тому же время было уже на исходе, пора бежать – иначе Терренс Марш придёт к «неvezучей лавке» и никого там не застанет! Так что девушка попрощалась с Нелл (ненадолго, раз уж собиралась ночевать в гостинице), шепнула Помусу, чтобы не похабничал, а лучше узнал бы что-нибудь интересное о городе и его обитателях – и побежала обратно к лавке. Вечер был просто чудесный – если бы не холод, от которого на бегу быстро начало гореть в груди!

Но местные это за мороз явно не считали – гуляли под ярко горящими фонарями, смеялись, играли в снежки. Анхелика даже увидела парочку в расстёгнутых полушубках. Молодые парень и девушка шли не спеша, держались за руки... И ели мороженое! От ужаса колдунья только пискнула, пробегая мимо, и парочка удивлённо посмотрела на Анхелику, издавшую этот необычный звук.

Инспектор Марш топтался у дверей «неvezучей лавки» с невозмутимым видом. При виде Анхелики, запыхавшейся и раскрасневшейся, он не улыбнулся, а наоборот, нахмурился. Девушка поправила шапочку – слишком пышные и непокорные кудри так и норовили спихнуть её с головы – и поздоровалась:

– Светлого вечера, инспектор Марш! То есть, конечно, в ваших краях вечера всегда такие темные, поэтому... Ой, извините, что заставила ждать, я относил Помуса к Нелл, чтобы он не мёрз в лавке один.

– Хм, – сказал Терренс. – Отвечу по порядку, знаешь ли. Во-первых, со мной лучше на ты. У нас ведь не настолько большая разница в возрасте?

И склонил голову набок.

– Большая, наверное, – возразила Анхелика и слегка притопнула на месте. – Стоять холодно, так что ведите!

Марш предложил девушке полусогнутую руку, но она предпочла не заметить жеста. Просто пошла рядом с ним, стараясь не задевать даже краем одежды.

– Тебе двадцать три, а мне тридцать пять, – сказал Марш, явно желавший расставить всё строго по полочкам. – Это не очень много по нашим меркам. Много – это двадцать и больше лет разницы. Во-вторых, ты не заставляла меня ждать. Я мог прийти и попозже, чтобы не создавать тебе неудобство. Да и ждал недолго.

«И правда зануда, – с сожалением подумала Анхелика, – не везёт мне с мужчинами. Один «вялый баклажан», другой «нудный стручок».

Вспомнив эпитеты Помуса, девушка с трудом сдержала улыбку.

– А в-третьих? – спросила она.

– Хорошо, что ты спросила, – сказал Терренс, – сегодня не холодно, а лавка хорошо отапливается. Твой куст вряд ли замерз бы. Помидоры спокойно переносят температуру до плюс пяти, а в лавке явно теплее.

– Но мы все равно потом вернулись бы с ним в гостиницу, лавку ещё отмыывать и отмыывать. Если бы вы, инспектор, не были так строги и дали бы разрешение использовать немножко магии...

– Предельно допустимый магический фон здесь – одна целая две десятых, и если не уложишься, я наложу штраф, – сказал Марш сухо.

Анхелика горестно вздохнула.

– Я не понимаю!

– Ну, затем мы ведь и решили поужинать вместе, чтобы ты всё поняла. И, надеюсь, после этого ты... уедешь.

Он запнулся на последнем слове и вдруг снова предложил Анхелике руку.

– Тут скользко, знаешь ли, – предупредил не совсем вовремя, потому что девушка уже и поскользнулась.

Инспектор даже головы к ней не повернул, но успел очень ловко и быстро подхватить колдунью и уберечь от падения. Поймал за талию и плечи, как будто танцевать собрался, но тут же вернул девушке равновесие. И в третий раз подставил ей локоть.

Но Анхелика вспыхнула, как спичка, и отвернулась.

Надо было бы поблагодарить, но она побоялась, что голос выдаст смущение. Она вся дрожала – и одновременно ей вдруг стало жарко. Так жарко, словно сверху светили не фонари, а ровный ряд солнц!

– Мы пришли, – сказал инспектор, не догадываясь об этой загадочной вспышке.

Пришли! Что ж, вот они, плюсы небольшого городка: тут всё рядом. Кафе – или, наверное, лучше сказать, кабачок – было приземистым одноэтажным зданием между двумя домами повыше. Яркие фонари у входа освещали вывеску: «Три лесоруба». Заметив, что Анхелика глазаёт на название, инспектор счёл нужным пояснить:

– После того, как появилось гиблое место, лесорубов тут стало в разы меньше. Хотя все же леса регулярно отправляются в Порт-Грен или в Порт-Хаген. Три брата, бывшие лесорубы, открыли трактир. Сейчас его в основном посещают местные. Тут и клуб, и питейное заведение, и поесть можно. Не бойся, это тихое место.

Словно в противовес этим словам, из дверей вылетело тело. Возможно даже, живое. Оно было одето в слишком большую куртку и замотано ярко-жёлтым вязаным шарфом, так что лицо скрывалось полностью.

– С такими штуками сюда лучше не соваться! – истошно выкрикнул из заведения женский голос.

– Это кто ж такой-то? – глядя, как тело вскочило на ноги и резво куда-то поскакало, сказал инспектор. – Не успел разглядеть.

Задерживать не побежал – то ли решил, что бесполезно, то ли ещё по какой-то причине.

Анхелика слушала его вполуха. На снегу возле ступеньки трактира лежала бархатная темно-красная коробочка. Она приоткрылась, и внутри виднелось колечко – маленькое, на тонкий девичий пальчик. С голубым топазом-капелькой.

ГЛАВА 10. Разговоры

– Незнакомые артефакты просто так лучше не трогать, – сказал Терренс, увидев, что девушка присела на корточки возле крошечной коробочки. – Как знать, что там.

– Это... Я, кажется, знаю это кольцо. Я его видела и помню, что от него шла магия.

Анхелика так и не коснулась кольца и коробки, только смотрела. Терренс присел рядом.

– Оно похоже на помолвочное, – сказал осторожно и провёл над кольцом рукой.

Магия была слабенькая, и, что смешно, колечко зачаровали на взаимную симпатию. Терренс взял коробочку и взвесил в руке.

– Вы... Ты не будешь его догонять, инспектор? – спросила девушка. – По-видимому, это был какой-то преступник.

– Я не слишком быстрый, – сказал Марш, не вдаваясь в подробности о своей больной ноге. – Да и деваться ему некуда. Снег идет целый день, метёт все сильнее... Из города ему не выбраться. Захочу – найду. Это всего лишь мелкий воришка.

– Но он украл кольцо, – сказала Анхелика.

– С приворотом, – сказал Терренс, задумчиво глядя на Анхелику. – А может, и не украл, а подобрал... С другой стороны, в чем его теперь обвинять? Ведь даже кольца при нем теперь нет!

Он словно впервые заметил её шапку. Полосочки эти, кисточки на длинных ушах, дурацкая такая шапка. Интересно складывается: найденыш этот смуглый, ограбленный, с такой же почти шапчонкой, магия на колечке, какой-то нескладный парень, только что пытавшийся, видимо, пристроить награбленное... Похоже, что всё это связано – но крепко ли?

– Это же твое кольцо? – спросил Терренс, и Анхелика, протянувшая было руку к коробочке, отдёрнула её.

– Мне показалось, – сказала она. – Оно очень похоже на то, которое пытались подарить мне, а я не взяла.

– У тебя есть жених? – прямо спросил Терренс.

Девушка покраснела и покачала головой.

– Пойдем съедим что-нибудь, – предложила она скомканным от неловкости голосом. – Я с утра на ногах и почти ничего не ела. Нелл предлагала пирог, но я торопилась на... встречу.

Терренс открыл перед девушкой дверь. Ему не терпелось узнать, что скрывает эта южная гостья, и почему она отказалась от кольца, и зачем гипотетический жених наложил на него приворотные чары. Допустим, она его не любит – но он-то, дубина, если полюбил, то для чего решил подгадить? Тем более колдунье. Она бы наверняка почуяла магию! «Пытались подарить» – да, она так и сказала. Значит, уже отказалась, поняв, что с кольцом что-то не так.

Стол они выбрали отдельный – при виде инспектора его освободили два дюжих, неповоротливых молодца.

– Это лесорубы? – спросила Анхелика благоговейным шепотом.

– Нет, что ты, это бандиты, – так же шепотом ответил Терренс.

– Ааа, – протянула девушка понимающе, хотя было видно, что она не очень поняла.

– Нас, инспекторов, они сторонятся, хоть и не особо боятся, – пояснил Терренс. – Так что это хорошо, что они предпочли убраться. Ну, что ты хочешь на ужин?

Девушка принялась листать меню – три листочка с напечатанными на машинке названиями блюд, среди которых, кажется, никак не могла найти ничего по душе.

– Я не знаю, – сказала она, наконец. – Тут очень много мяса и мало овощей.

– Давай сюда меню, – засмеялся Терренс и подозвал официантку. – Мод, мне свинину на вертеле и ньокки, а барышне утиную грудку и капустный салат с острой заправкой. Овощи не консервированные, знаешь ли, – сказал он, подмигивая Анхелике. – Но ты права, их у нас не так много, а фруктов так и вовсе нет.

– Придется привыкнуть и есть побольше капусты и лука, – чуточку сердито сказала девушка, как будто это Терренс лично только что лишил её вкусных и полезных овощей и фруктов.

Он только забавлялся.

Но всё испортила Мод!

– В бакалейной лавке почти всегда продаются свежие яблоки и консервированные персики, а к дню Нарождения с материка привозят апельсины и мандарины. Да и сейчас на сладкое могу предложить слойки с клюквой или черничный пай. Этого добра тут полно растёт! И кстати, к капустному салату возьмите жареных грибов. Инспектор Марш, а ньокки можно было и девушке заказать. Это на будущее!

И показала Терренсу язык. Инспектор и слова сказать не успел на такую непозволительную вольность, как Мод уже удрала, оставив после себя лишь ветерок, пахнувший легкими цветочными духами и кухней.

– Рассказывайте, инспектор Марш, – попросила Анхелика. – Пока готовят еду, у нас есть время, чтобы поговорить. А там как пойдет!

– Но я хотел узнать про кольцо, – начал Терренс.

– Вы позвали меня для того, чтобы разузнать, есть ли у меня жених, что ли? Тогда это точно свидание... и тогда я ухожу, – заявила девушка, внезапно краснея.

Покраснела до того, что у неё даже глаза заблестели, словно вот-вот заплачет. Сказала, и тут же испугалась:

– Простите, у меня вырвалось.

– Ты не привыкла быть дерзкой, да? – догадался Терренс. – Послушай, если ты обиделась на то, что я тебя назвал безвольной...

– Я не обиделась! – резко ответила Анхелика, и было видно, что она соврала.

Теперь, помимо щёк, у неё покраснели нос, уши и даже шея в неглубоком вырезе пёстрого свитерка.

И всего-то там было видно в этом вырезе, что ключичную впадинку, а Терренс вдруг поддался внезапным грёзам. Нет, так не пойдет. Это же и правда не свидание, да и он не двадцатилетний мальчишка, чтобы мечтать о такой малости, как прикосновение губ к этой манящей ямке. И ниже... Ниже.

– Ладно. Давай к делу, за которым я тебя позвал. Итак, мне придется вернуться к истории возникновения Штормхагена. Как ты уже слышала, раньше он располагался не совсем здесь – тут была лишь небольшая деревенька да поля. Город был достаточно старый, не старинный, конечно... Так, лет триста стоял себе, стоял. Ну, а пятьдесят лет назад случилось вот что: Штернхаген внесли в список мест, где adeпты магических школ могут проходить практику. Не только твоей школы, Ангелика! И примерно раз-другой в год у нас стали появляться молодые маги, колдуньи, волшебники, колдуны и ведуньи всех направлений и мастей, какие только есть

в Ламминланде. С разными заданиями, но с одной отличительной чертой: все они обладали непростительным энтузиазмом. Все хотели как-то выделиться, сделать что-то особенное. Уже такие в Штернхаген приезжали – с горящими глазами, пламенными сердцами... И так далее. И в конце концов, постепенно и незаметно, в самом центре города появилась крошечная червоточинка – самая настоящая, провал в Хаос. Правда, такой маленький, что был он едва ли больше игольного ушка. Её заметил один молодой волшебник, и он же стал за нею наблюдать. Это был очень беспечный волшебник, он решил поставить ряд опытов с дырой в Хаос, и уже спустя несколько дней червоточинка стала размером с булавочную головку, а потом, еще через неделю – с коробочку для булавок.

Терренс остановился, чтобы выпить воды, и покосился на Анхелику. Та внимательно слушала, сдвинув тёмные бровки. Более того, к ним повернули головы достаточно многие посетители кабачка. Большинство из них, конечно же, знали эту историю назубок. Но менее увлекательной от этого она не становилась, как и менее трагичной. Ну и следить за новенькой наверняка было интереснее: что скажет, как отреагирует?

– И было это примерно двадцать два года назад. И всё это время вокруг да около работали другие маги, и особенно усердствовали практиканты. И уже спустя несколько месяцев дыра расплзлась и заполнила весь первый этаж дома волшебника. Вскоре туда рухнул весь дом, а дыра ещё увеличилась. Вот когда волшебник, наконец, опомнился и заявил всему Штерхагену: «Я понял! Это – самая настоящая прореха в мироздании! И как знать, скоро она увеличится до таких размеров, что туда провалится весь город! Будет интересно узнать, что там, на той стороне мира!» Вот только далеко не каждому было настолько интересно.

– Неужели никто не сказал ему, что с Хаосом не шутят? – выдохнула Анхелика. – Да быть такого не может!

– Очень даже может, – пожал плечами Терренс. – Особенно если маги – сплошь полуграмотные адепты. Как ты.

– Вовсе я не полуграмотная, – буркнула Анхелика.

– Ну ладно, ты, может, и полностью образованная, но не все такие. В итоге, сколько ни боролись тут самые сильные маги, колдуньи, колдуны и прочие – ничего не вышло. В смысле, промоину в Хаос не сумели закрыть. Только остановили рост. Вокруг замершей промоины образовалось так называемое гиблое место. Оно, в отличие от самой дыры, разрастается, словно болото. И появилось оно неспроста: у нескольких магов хватило ума собраться и перенести дома, дворы и всё имущество к юго-востоку от все разрушающей червоточины. Но всплеск! Сильный всплеск магии породил гиблое место. И если червоточина пожирала всё подряд, но была заключена хоть в какие-то границы, гиблое место пожирало магическую энергию. Иными словами, оно растёт, когда кто-то колдует.

– Вы меня хотите напугать. И это вам почти удалось, – дрогнувшим голосом заявила Анхелика. – Но только... Только почему вы не объявили тут магию вообще вне закона?

– Хороший вопрос, – Терренс кивнул, показывая, что вопрос ему действительно понравился, даже принёс какое-то удовольствие. – Магию нельзя объявить вне закона по многим причинам. Во-первых, магией владеют те, кто творит закон. Во-вторых, если долго держать мага под гнетом – рано или поздно он вскипит, его сила вырвется наружу и будет только хуже. Ну и в-третьих, следить за предельно допустимыми магическими возмущениями, контролировать разрастание гиблого места и даже попросту вытаскивать оттуда всяких растяп может лишь маг. Анхелика и бровью на «растяп» не повела. Только пожалала плечами.

– И использовать магию он тоже может? – спросила она. – Вот вы... ты использовал телепортацию. Это разве не превышение этого самого, предельно допустимого?

– У меня был огромный выбор: дать тебе отморозить всё, что было не в пальто – либо превысить уровень, – хмыкнул Марш. – Тебе хотелось замёрзнуть? Не думаю. Так вот, зна-

ешь ли, я вижу, что ты – молодая колдунья, которой привычно использовать магию и которая ничего, абсолютно ничего не будет сдерживать.

– И поэтому вы хотите, чтобы я уехала, инспектор Марш, – сказала она. – Ты хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.